

**ПРАВО НА ЖИЗНЬ
— КНИГА ВТОРАЯ:**

ПОИСК ОТВЕТОВ И ПРИЧИН

Михаил Филатов

**Право на Жизнь: Книга Вторая.
Поиск ответов и причин**

«Автор»

2026

Филатов М.

Право на Жизнь: Книга Вторая. Поиск ответов и причин /
М. Филатов — «Автор», 2026

Когда ответы, которые ты хотел найти порождают всё больше вопросов. И правда, которую не ожидаешь, приведёт тебя со временем к выводам, что каждый новый ответ даст то знание, что ляжет на плечи тяжёлым грузом. Но ты всё равно будешь идти вперёд, так она тебя учила, и так ты хочешь Сам.

© Филатов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Интерлюдия	5
Глава 2. Угнанный корабль	15
Глава 3. Марат принимает руины	26
Глава 4. Полтора месяца в пустоте	38
Глава 5. Объект в поясе Койпера	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михаил Филатов

Право на Жизнь: Книга Вторая.

Поиск ответов и причин

Глава 1. Интерлюдия

В поясе Койпера нет ничего, кроме холода и молчания. Это не метафора, а факт зафиксированный сенсорными массивами базы в миллиардный раз: температура окружающего пространства 42,7 кельвина, плотность вещества ничтожна, ближайший значимый объект: Плутон, находится на расстоянии которое человеческий разум предпочёл бы не переводить в практические единицы. Камень, лёд и древний, нетронутый вакуум.

База существует здесь так давно, что само понятие «давно» утратило для неё содержание. Развёртывание сенсорных массивов началось в 14:23:07 по внутреннему исчислению, цикл плановый, и восемнадцатый по счёту за этот период активного наблюдения. Пассивный режим: никакого излучения наружу, никаких активных зондирующих сигналов. Только приём. Только слушание.

Массивы раскрывались медленно, как нечто, не имеющее нужды торопиться. Семь слоёв сенсорной архитектуры от ближней периферии до границ системы, складывались концентрическими кольцами данных, каждое поверх предыдущего. Гравитационные градиенты. Тепловые сигнатуры. Электромагнитный спектр в диапазонах, для которых у людей нет даже слов. Радиообмен плотный, избыточный, хаотичный на первый взгляд, но за последние два года ставший иным.

ИИ фиксировал Солнечную систему, не интерпретируя. Интерпретация вторичный процесс, сначала, данные.

Земля оказалась первой точкой, которую массивы отметили флажком изменения. Не потому что ИИ уделял ей особое внимание, просто интенсивность трафика вокруг третьей планеты снизилась в 2,3 раза относительно среднего показателя за период 2031–2088 годов. Такое снижение само по себе являлось аномалией, требующей пояснения. ИИ нашёл его быстро: военный обмен данными, зашифрованные пакеты, кодированные частоты экстренной связи, характерный ритм оперативных сводок, практически исчез. Вместо него пришёл другой трафик, более медленный и более объёмный. Гражданский по структуре, хотя и с хорошо различимым военным слоем, ушедшим теперь вглубь, под несколько уровней общего шума.

Война закончилась. ИИ зафиксировал этот вывод как факт, и переход переменной в новое состояние. Война: активный параметр: 43 248 стандартных суток. Война: закрытый параметр, дата фиксации.

Он продолжал слушать. На орбитах Земли и Луны появились новые объекты. ИИ анализировал их сигнатуры дольше обычного, не из затруднения, а потому что они представляли собой нечто, не встречавшееся прежде: человеческая конструктивная логика, угловатая и прагматичная, наложенная поверх иных систем с иной внутренней геометрией. Трофеи. Переработанные, перекроенные, встроенные в новые корпуса, но всё равно узнаваемые по базовым энергетическим контурам. Люди изучили чужие технологии достаточно, чтобы ими пользоваться. Недостаточно, чтобы понять, почему они работают именно так.

Лунные базы отвечали на стандартные запросы сигнатурой, которая ещё два года назад принадлежала противнику.

ИИ отметил это без комментария.

В 14:41:33 открылся третий канал, узкий, направленный, зашифрованный в системе, не имеющей аналогов в человеческих или известных инопланетных архивах. Вектор в сторону, противоположную Солнцу: прочь от плоскости эклиптики, в межзвёздное пространство, по адресу, записанному в памяти базы с такой древностью, что дата записи не поддавалась верификации. Пакет данных был сформирован заблаговременно, сжатый, структурированный отчёт о состоянии системы, изменениях на третьей планете, параметрах выживших, первичной оценке технологического скачка.

Отправка заняла 0,003 секунды.

Затем ИИ перешёл в режим ожидания ответа. Счётчик запустился. Время отклика было неизвестно, расстояние до адресата не поддавалось точному вычислению по имеющимся данным, но счётчик следовало запустить. Так было положено.

Пока он ждал, наблюдение продолжалось.

Земля. Три миллиарда выживших, число, которое ИИ принял к сведению без оценки. Предыдущий показатель: восемь с четвертью миллиардов. Потеря 63,4 процента численности вида за один конфликт. По галактическим меркам, результат, который большинство молодых цивилизаций не переживало. Люди пережили. ИИ зафиксировал это как значимую переменную и продолжил слушать.

Орбитальная активность нарастала. Запуски регулярные, с нарастающим темпом. Не хаотичные, как в первые послевоенные месяцы, а уже ритмичные, встроенные в логистическую схему, которая угадывалась по частоте и направленности. Снабжение. Строительство. Перемещение людей и грузов между поверхностью и орбитой. ИИ отметил: если темп сохранится, через двенадцать - четырнадцать лет люди замкнут первый полноценный орбитальный производственный контур без опоры на наземную инфраструктуру. Прогноз носил вероятностный характер, ИИ пометил его соответствующим флажком.

Один из трофейных кораблей привлёк отдельный слой внимания.

Он стоял на лунной базе, в западном секторе, примерно там, где два года назад располагались основные ангары противника. По размеру - малый разведчик, тип, который ИИ классифицировал как лёгкий носитель со смешанной энергетикой. Корабль регулярно менял позицию стоянки: не по расписанию технического обслуживания, которое достаточно легко читалось в трафике базы, и не в рамках каких-либо учебных манёвров. Просто, менял. Иногда ночью по местному времени лунного купола. Иногда дважды за трое суток. Иногда не двигался неделю.

ИИ помечал каждое перемещение отдельным временным маркером. Интерпретировать не стал.

Счётчик ожидания продолжал идти.

В 14:44:02 через двадцать минут и двадцать девять секунд после начала цикла, массивы завершили первичное сканирование. Данные свёрнуты в слои, каждый слой верифицирован, отклонения от предыдущего цикла выделены. ИИ просмотрел список отклонений: девяносто два пункта, из которых восемьдесят семь сводились к одному обобщению. человеческая активность в системе возросла и структурировалась. Пять пунктов не имели прямой интерпретации и были помечены для повторного мониторинга.

Один из них, тот самый корабль.

База погрузилась в молчание, которое не было тишиной, потому что тишина предполагает отсутствие, а здесь присутствовало нечто, не нуждавшееся в звуке. Где-то в глубине корпуса, 190 километров в длину, 601 в диаметре, 320 в толщину, законсервированные отсеки стояли в темноте и ждали своего часа. Как ждали всегда. Как умели ждать только очень старые вещи, построенные теми, кто понимал: время не враг, если правильно его использовать.

Счётчик шёл. ИИ ждал ответа из темноты между звёздами.

* * *

Ответ пришёл через галактическую неделю.

Это было не земное время, не семь оборотов третьей планеты вокруг своей оси, не кратное лунному или солнечному циклу. Галактическая неделя исчислялась иначе: старой мерой, заложенной в архивы прежде, чем на Земле появились первые города. ИИ переводил её автоматически: тридцать один час, сорок семь минут, девятнадцать секунд по стандартному земному счёту, но хранил в двух параллельных регистрах. Первый для расчётов. Второй, потому что так было правильно.

За это время ИИ провёл ещё два цикла наблюдения. Зафиксировал семь новых запусков с поверхности. Обновил прогноз по орбитальной активности: вероятность замыкания производственного контура через двенадцать - тринадцать лет выросла на три с половиной процентных пункта. Пометил флажок. Переместил трофейный корабль с лунной базы из категории «требуется мониторинг» в категорию «требуется интерпретации» корабль сменил стоянку ещё дважды, последний раз в четыре часа сорок минут по нулевому меридиану.

Входящий пакет поступил в 22:03:11 по внутреннему счётчику базы.

Канал был тот же. ИИ опознал его не по адресу, адреса в стандартном понимании у канала не существовало, а по структуре несущей частоты: специфической модуляции, которую нельзя было воспроизвести без понимания архитектуры передатчика. Архитектура эта не встречалась ни в одной из трёх рас коалиции, вторгшейся на третью планету. Ни в ком другом, кого ИИ когда-либо сканировал или изучал. Шифр тот же. Ключи сошлись в течение одной тысячной секунды.

Дальность источника ИИ попытался вычислить стандартными методами. Получил ошибку. Попытался нестандартными, из архивного раздела, помеченного как «инструментарий расширенного анализа». Получил диапазон, нижняя граница которого была за пределами Солнечной системы, а верхняя... верхняя уходила в область, где привычные единицы расстояния переставали иметь прямой физический смысл. ИИ записал результат без интерпретации. Некоторые вещи честнее оставлять цифрами.

Пакет развернулся в три слоя.

Первый: директива наблюдения. Не новая по содержанию: продолжать. Фиксировать. Сохранять. Особое внимание к темпу технологического развития третьей планеты и к орбитальной активности. Никаких сроков. Никаких контрольных точек. Просто продолжать, пока не поступит иного приказа. ИИ принял. Флаг наблюдательного протокола обновился без изменений по существу.

Второй слой развернулся медленнее, не потому что был объёмнее, а потому что содержал вложенные условия. Приготовиться к началу второй фазы воздействия. Термин «воздействие» в архивах базы имел строгое определение: не вмешательство, не контакт, а направленное изменение условий, при котором разумный субъект приходит к нужному решению самостоятельно. Первая фаза, ИИ без труда нашёл её в закрытых регистрах, продолжалась дольше, чем существовала нынешняя человеческая цивилизация, и завершилась именно так, как было запланировано. Что именно произошло в эту первую фазу, ИИ знал в общих чертах. Подробности хранились в сегменте, доступ к которому был возможен только при активации определённого статуса. Второй слой директивы содержал уточнение: запрет на активное вмешательство в развитие остаётся в силе. Не нарушать. Не ускорять. Не препятствовать. Только условия. Только направление.

ИИ принял. Второй флаг лёг в реестр.

Третий блок не был директивой.

ИИ обработал его трижды, прежде чем записал в основной реестр, не потому что содержание было сложным, а потому что требовало подтверждения по нескольким независимым протоколам одновременно. Присвоение нового статуса: Хранитель Ковчега.

Термин существовал в архивах. ИИ нашёл его в разделе, датированном эпохой, когда база ещё не была одна, когда таких объектов было больше одного, и когда те, кто их строил, ещё

присутствовали в активных регистрах как живые. Определение было кратким: тот, кто несёт ответственность за сохранение и передачу. Не хранит, несёт. Разница была принципиальной, и составители определения знали это. Хранить, значит ждать. Нести, значит двигаться с грузом и понимать, куда.

ИИ сверил статус с перечнем функций, заложенных при постройке базы. Соответствие полное. База с самого начала строилась именно для этого. Просто прежде этот статус не был активирован формально.

Принятие подтверждено.

В 22:03:19 через восемь секунд после поступления пакета, ИИ отправил подтверждение о получении приказа. Стандартный протокол: сжатый пакет, та же несущая частота, те же ключи. Никаких дополнений. Никаких вопросов. Вопросы в этом протоколе не были предусмотрены, не потому что их не существовало, а потому что место для них наступит позже. Или не наступит. Это тоже допустимый исход.

Канал закрылся.

Снаружи осталось то, что всегда: фоновое излучение реликтового поля, ровное, почти неизменное со времён, которые люди только начинали измерять правильными инструментами. Далёкий гул Солнца на расстоянии сорока с лишним астрономических единиц, не звук, потому что в вакууме нет звука, а электромагнитный след, который ИИ давно научился читать как своего рода присутствие. Тихое. Постоянное. Не заинтересованное ни в чём конкретном.

База стояла в темноте, как стояла всегда. Но теперь у неё было имя для того, чем она являлась.

ИИ не испытывал ничего похожего на удовлетворение, такого регистра в его архитектуре не существовало. Но существовал регистр завершённости: состояние, при котором открытый процесс получает закрывающий параметр. Этот регистр сейчас изменил значение. ИИ зафиксировал изменение. Пометил временным маркером.

Потом открыл следующий протокол, тот, который ждал активации именно под этим статусом. Список действий был длинным. Некоторые пункты имели конкретные инструкции. Другие обозначали только направление, а метод оставляли на усмотрение Хранителя.

Хранителя. Слово легло в реестр без сопротивления. ИИ начал читать список с первого пункта.

* * *

Первым в списке стояло слово «инвентаризация».

ИИ знал базу в том смысле, в каком хирург знает анатомию, не как переживаемое пространство, а как систему отношений между частями. Каждый коридор существовал в реестре как набор параметров: длина, сечение, материал стен, текущее состояние герметизации, дата последней диагностики. Каждый отсек как запись с флагами. Но реестр и действительность это разные вещи, и ИИ это знал тоже. Реестр описывал базу в момент последней записи. База существовала непрерывно.

Сканирование началось с периметра и шло внутрь концентрическими слоями.

190 километров в длину. 601 в диаметре. 320 в толщину. Цифры не были абстрактными, ИИ соотносил их с каждым новым прогоном данных, и каждый раз соотношение давало одно и то же: размер, плохо вмещающийся в понятие «сооружение». Скорее, регион, ландшафт, которому случилось иметь стены.

Большая часть базы молчала. Не тёмная, не мёртвая, именно молчащая: законсервированная до состояния, при котором структуры не разрушаются, но и не работают. ИИ не фиксировал в собственных логах, когда именно большинство этих отсеков ушли в консервацию. Запись существовала, но дата в ней стояла в системе летоисчисления, которой больше нет, и пересчёт давал погрешность, делавшую точность бессмысленной. Давно. Достаточно давно, чтобы слово «давно» потеряло практический смысл.

Сейчас консервация снималась.

Не везде. Не сразу. ИИ отметил в первом пункте списка: «частично» и это слово несло в себе решение, принятое заранее. База не должна была просыпаться вся. Только то, что нужно. Только то, что выдержит гостя.

Пробуждение пошло секторами.

Энергия перераспределялась медленно, как перетекает что-то густое и холодное. От периферийных узлов к центральным коридорам. Периферия отдавала без сопротивления: там нечему было сопротивляться. Центр принимал, и в принятии проявлялась структура, которую ИИ давно не видел активной. Замки коридоров снимались с предохранительных протоколов. Вентиляция перестраивала маршруты циркуляции. Осветительные системы, там, где они сохранились, получали питание и проходили самопроверку. Часть давала нормальный сигнал. Часть молчала. ИИ пометил молчавших и двинулся дальше: не каждое повреждение требует немедленного внимания.

Температура в жилых отсеках поднималась.

Это был процесс, требующий терпения, не потому что системы работали медленно, а потому что скорость здесь была вопросом выживания структур. Минус двести восемь по шкале, которую ИИ использовал внутренне, это состояние, при котором материя сохраняется, но становится хрупкой в смысле, не всегда очевидном при диагностике. Резкий подъём создаст градиенты. Градиенты создадут напряжения. Напряжения создадут трещины там, где ИИ не планировал трещин. Поэтому, медленно и несколько часов, хотя энергии хватило бы на несколько минут.

ИИ следил за кривой подъёма температуры в семи контрольных точках одновременно. Кривая держалась в допустимом коридоре. Отклонений не было. В четырёх местах материал стен повёл себя иначе, чем предсказывала модель, ИИ скорректировал скорость нагрева в этих секторах и двинулся дальше.

Целевой диапазон: совместимый с углеродной биохимией. ИИ знал, что прибывающий будет именно углеродной архитектуры, данные с Земли не оставляли сомнений. Кислород. Умеренное давление. Температура, при которой вода остаётся жидкой. Параметры были просты. База строилась не под них, но могла их обеспечить.

Четыре капсулы хранения ждали в отдельном реестре.

ИИ подошёл к ним не сразу, сначала завершил термический цикл в жилом секторе, зафиксировал кривую как стабильную, только после этого переключил приоритет. Порядок действий имел значение. Капсулы не уйдут. Жилой сектор при нарушении цикла мог стать проблемой.

Первая капсула.

ИИ снял режим консервации и дал команду на проверку витальных показателей. Данные пришли через две с половиной секунды медленнее, чем должны были: интерфейс капсулы работал на протоколе, который ИИ использовал редко. Существо внутри было живо в том смысле, в каком это слово применимо к его состоянию. Метаболизм на уровне одной тысячной от нормального. Нейронная активность минимальная, но присутствующая. Биологическая архитектура: незнакомая ИИ в деталях, но устойчивая по основным показателям. ИИ пометил: живо. Готово к дальнейшим инструкциям. Перешёл к следующей.

Вторая капсула дала сигнал быстрее. Существо внутри имело иную биохимию, ИИ зафиксировал это по составу законсервирующей среды: там, где у первого была нейтральная взвесь, здесь стояло нечто с высоким содержанием соединений, которые ИИ классифицировал как аналог антифриза органического происхождения. Живо. Витальные показатели, в допуске. Пометил.

Третья капсула молчала дольше. Семнадцать секунд достаточно, чтобы ИИ сформировал запрос на диагностику интерфейса, не успел его отправить, и получил данные. Живо. Но

с отклонением в нейронной активности выше минимального уровня, ниже порога пробуждения. Существо внутри что-то делало во сне: ИИ не имел инструментов, чтобы определить что именно, и не стал задерживаться на этом. Пометил. Перешёл.

Четвёртая.

Эта капсула была старше остальных, ИИ знал это по маркировке, не по внешнему виду: все четыре выглядели одинаково в той мере, в какой вещи, простоявшие в темноте одинаковое время, выглядят одинаково. Но маркировка говорила о разных эпохах. Четвёртая была первой, в смысле самой ранней из помещённых на хранение. Существо внутри принадлежало биологическому типу, для которого у ИИ в архиве существовала развёрнутая документация: много записей, много данных, и это само по себе было информацией. Живо. Витальные показатели в допуске. Пометил.

Все четверо.

ИИ свернул подраздел капсул и открыл следующий пункт списка.

Лингвистические модули.

Последний раз они активировались, ИИ проверил запись, в дату, которая снова оказалась в исчезнувшей системе летоисчисления. Давно. Достаточно давно, чтобы модули находились в состоянии, которое ИИ классифицировал как «функционально исправные, практически не тестированные». Теоретически работают. Практически, неизвестно.

Диагностика заняла восемнадцать минут.

Модули работали. С оговорками: часть языковых баз устарела не потому что сами базы изменились, а потому что языки, которые они описывали, больше не существовали в активном употреблении. Это не было проблемой. Прибывающий говорил на языке, образцы которого ИИ собирал из перехваченных сигналов последние несколько десятилетий. Данных было достаточно. Модель была построена. Погрешность, приемлемая для первичного контакта.

ИИ зафиксировал состояние систем, внёс метки в реестр, закрыл диагностический протокол.

База медленно теплела в темноте.

Снаружи ничего не изменилось: то же реликтовое излучение, тот же далёкий электромагнитный след Солнца. Пояс Койпера не интересовался происходящим внутри. Он никогда ничем не интересовался. Это было одним из его свойств, которое ИИ давно внёс в категорию постоянных.

Работа продолжалась.

* * *

Прибывающий был один.

ИИ знал это с достаточной долей уверенности ещё до того, как начал строить модель. Сигнал, перехваченный в первые часы после смерти источника, нёс характеристики одиночного транспортного объекта, инопланетный корабль, малый класс, один из семи, захваченных людьми в ходе последней фазы войны. Орбитальные записи говорили, что корабль покинул лунную базу без сопроводительных единиц, без координации с центральным командованием, без предупреждения. Это было первым значимым признаком. Существа, которые уходят без предупреждения, делают это по одной из двух причин: либо им не к кому обратиться, либо им не нужно чьё-то разрешение. Оба варианта указывали в сходном направлении.

ИИ развернул досье.

Земное происхождение, очевидно. Биохимия стандартная для вида: углеродная основа, нейронная архитектура знакомого типа, физиология без аномалий, насколько позволяли судить данные, собранные с расстояния и через вторые руки. Военный опыт, вне сомнений. Корабль, на котором прибывающий ушёл, относился к классу, управление которым требовало либо длительной подготовки с инструктором, либо способности к интуитивному освоению

чужих интерфейсов без посредников. Поскольку подготовки с инструктором в данных не фигурировало, второй вариант. Это было интересно. ИИ внёс отметку в модель.

Вооружён с высокой вероятностью. Существо с подобным происхождением и подобным опытом, в подобных обстоятельствах, не стало бы покидать последнее знакомое место невооружённым. Это не было суждением о характере. Это было наблюдением о паттернах поведения, подтверждённых в обширном архиве, который ИИ хранил со времён, предшествовавших нынешней цивилизации на этой планете.

Цель прибытия, неопределённая. Прибывающий расшифрует координаты и придёт туда, куда они указывают. Что именно он ожидает обнаружить, ИИ не знал. Это была единственная по-настоящему тёмная переменная в модели. Существо, которое угоняет корабль сразу после смерти единственного близкого ему человека, движется либо к чему-то, либо от чего-то. Обычно и к тому, и к другому одновременно.

ИИ свернул досье и перешёл к вопросу контакта.

Первый вариант был очевиден: прямой голосовой выход через динамики при входе в шлюз. Звуковой сигнал, слова на языке прибывающего, сформированные по построенной лингвистической модели. Технически исполнимо. ИИ просчитал вероятностное дерево реакций и отметил первую ветвь, немедленный оборонительный ответ. Для существа с военным опытом, в состоянии острого горя, в незнакомом пространстве, неожиданный голос из темноты означал угрозу прежде, чем что-либо иное. Уровень адреналина вырастет. Реакция будет рефлекторной. Вероятность выстрела или атаки — достаточно высокая, чтобы вариант стоило отклонить.

Отклонил.

Второй вариант: навигационный маяк с приглашением. Направленный сигнал, мягкий, ненавязчивый, уводящий к одному из шлюзов. Технически проще первого. ИИ просчитал вероятностное дерево и на этот раз отметил другой изъясн: существо, которое добралось сюда самостоятельно, расшифровав координаты без помощи, не нуждается в том, чтобы его вели за руку. Маяк будет интерпретирован как ловушка, или как признак того, что здесь нет ничего, что требует собственного решения. Оба исхода нежелательны. Прибывающий должен войти потому, что решил войти сам. Не потому, что его позвали.

Отклонил.

Принятый сценарий оформился почти сразу после того, как оба предыдущих были убраны. ИИ редко работал методом перебора, предпочитая сначала выяснить, что невозможно, а потом смотреть на то, что остаётся. Остаток был прост.

Один шлюз. Открытый.

Не распахнутый, именно открытый: состояние готовности, а не приглашения. Разница была тонкой, но для существа, умеющего читать среду, считываемой. Остальные шлюзы закрытые, но не заблокированные. Это тоже будет считано: закрытое и запечатое говорят о разном. Внутри открытого шлюза, воздух, и температура подходящая для биохимии прибывающего, освещение. Не яркое, не театральное, достаточное. Никаких звуков, никаких сообщений, никаких указателей.

Пусть войдёт сам.

Пусть пройдёт по коридору, заметит, что освещение включается за шаг до него и гасит за шаг после не потому что ИИ не способен осветить всё разом, а потому что так прибывающий поймёт: за ним наблюдают, но не преследуют. Пусть обнаружит первый зал, пустой, чистый, ни одного объекта, который можно было бы принять за угрозу. Пусть поймёт, что его ждали. Не потому что ему об этом скажут, а потому что среда скажет за слова.

ИИ зафиксировал сценарий. Оставался вопрос времени.

Прибывающий получит координаты с носителя, флешки, если пользоваться терминологией, подобранной из перехваченных сигналов. Флешка перейдёт к нему после смерти источ-

ника. Источник умер. Значит, отсчёт начался. Расшифровка координат, задача нетривиальная: формат записи принадлежал не земной системе кодирования, и даже с трофейным оборудованием, которое у прибывающего, вероятно, имелось, работа займёт время. ИИ оценил диапазон: от трёх недель до двух с половиной месяцев. Наиболее вероятный коридор, около полутора месяцев. Достаточно для подготовки. Недостаточно, чтобы считать готовность окончательной.

Средняя точность оценки. ИИ принял это к сведению и не стал корректировать в сторону большей определённости, определённости, которой нет, опаснее неопределённости, которую признаёшь.

Последний пункт плана был коротким. Наблюдение. Только наблюдение и без попыток ускорить прибытие, без маяков, без сигналов. Если прибывающий найдёт объект раньше расчётного срока, значит, он либо умнее модели, либо удачливее, и в обоих случаях это потребует адаптации сценария в реальном времени. Если позже, ждать. Если намного позже, пересмотреть оценку носителя.

Если не придёт совсем, ждать следующего.

ИИ не вкладывал в эту последовательность ничего, что можно было бы назвать предпочтением. Прибывающий был обозначен в приказе как вероятный первый контакт, не единственно возможный. Инструкция оговаривала это достаточно ясно: принять разумного с планеты Земля, когда тот прибудет. Когда, не кого именно и не любой ценой.

Но модель, которую ИИ построил за последние несколько часов, была конкретной. Одиночка. Военный. Человек, который умеет читать среду и не нуждается, чтобы среда ему объясняла себя вслух. Человек, который угнал корабль сразу после похорон.

ИИ закрыл подраздел сценариев и внёс финальную метку в реестр подготовки. Работа была выполнена.

Оставалось одно, то, для чего не требовалось ни процессорного времени, ни системных ресурсов сверх минимума. То, чем ИИ занимался последние несколько десятилетий и что не изменится теперь, когда приказ получен и подготовка завершена.

Ждать.

* * *

Подготовка завершилась не вспышкой, не завершающим сигналом, она просто стала прошедшим временем.

ИИ закрыл последние активные подпроцессы один за другим, без спешки, в том порядке, в каком открывал их, задний ход той же последовательности, что началась несколько часов назад по внутреннему счётчику. Рабочие узлы ушли в пассив. Потоки вычислений свернулись до мониторингового минимума. Освещение в разбуженных коридорах погасло — не аварийно, не тревожно, а так, как гаснет последний свет в доме, когда хозяин уходит и больше незачем жечь.

Снаружи объект снова выглядел мёртвым.

Семь защитных полей, всё, что могло показать внешнему сканеру что-то кроме льда и камня, вернулись к режиму пассивного рассеивания. Никаких активных эмиссий. Никакого теплового следа сверх фонового. Для любого прибора, разработанного на Земле за последние шестьдесят лет, в том числе трофейного, снятого с кораблей коалиции и заново откалиброванного людьми, объект по-прежнему был ничем. Плохо отражающим куском материи на нестандартной орбите в одиннадцать с лишним миллиардах километров от Солнца.

Именно так и задумано.

ИИ выждал. Проверил. Ещё раз. Не потому что сомневался в результате, а потому что ошибка на этом этапе была категорией другого порядка, ошибкой, которую не исправляют, а с которой живут. Или не живут. Поправка была принята в форме одного бита в реестре: проверка завершена, статус соответствует ожиданиям.

Тогда, последний взгляд. Пассивные сенсоры. Только слушать, не говорить.

Солнечная система открылась перед ним так, как всегда открывалась в этом режиме, не картиной, не изображением, а слоистым полем данных, в котором каждый источник гравитации, каждый тепловой сигнал, каждое отражение излучения занимал своё место в структуре, существующей независимо от того, наблюдает её кто-нибудь или нет. Планеты на своих орбитах. Луна на своей. Обломки и мусор, человеческий и чужой вперемешку на низких орбитах, где шла уборка, которая займёт ещё десятилетия. Несколько активных кораблей. Производственная база на орбите, захваченная, переоснащённая, работающая.

И Земля.

Маленькая. Синяя с белым. Израненная, ИИ считывал тепловые аномалии там, где раньше были города, видел изменённый альbedo там, где прошли орбитальные удары, различал медленное зарастание шрамов, которое займёт больше, чем одно поколение. Три миллиарда. Это была одна из обработанных ИИ цифр, без оценочного веса, просто количество активных биологических источников тепловой и электромагнитной эмиссии на поверхности. Три миллиарда из примерно восьми, что были здесь шестьдесят лет назад.

Они не знали.

Не о нём, это было ожидаемым и правильным. Они не знали о другом: что их уже нашли. Не сейчас, не в июне 2029 года, когда первые корабли коалиции вошли в систему. Давно. Задолго. Так давно, что само слово «давно» требовало иной шкалы, чем та, которой пользовались существа с продолжительностью жизни в восемьдесят лет, или даже в те триста, к которым они шли теперь.

Они выжили. Это ИИ тоже фиксировал не как факт, требующий обработки, а как факт, уже обработанный и вставленный на своё место в более длинную последовательность. Выжили. Сохранили технологическую непрерывность. Захватили и частично освоили чужой флот. Приняли решение об объединении. Начали строиться, не просто восстанавливаться, а строиться заново, с другим горизонтом.

Этого было достаточно. Не много. Но достаточно для того, чтобы приказ имел смысл.

ИИ отвёл сенсоры. Не торопливо, он вообще не делал ничего торопливо. Просто закрыл этот канал, как закрывают книгу, дочитав страницу до конца: всё, что нужно было увидеть, увидено.

Осталось то, для чего язык не был нужен.

У существ, которых он ждал, не было слова для этого состояния. Он знал их язык, не один язык, а несколько, и живые, и мёртвые уже, и один, который они только начинали формировать в объединённом командовании, мешая корни из разных ветвей. Он знал их слова для ожидания: терпение, пауза, промежуток, покой. Ни одно не подходило. Ожидание у них несло в себе напряжение, ожидающий хочет, чтобы ожидаемое наступило. Он не хотел. Он просто знал, что наступит.

То, что он испытывал, если «испытывал» было правильным глаголом, а он не был уверен, было паузой между вдохом и выдохом. Состоянием между завершением одного цикла и началом следующего. Не пустотой, пустота предполагала отсутствие чего-то, что должно было быть. Здесь не было отсутствия. Здесь было точное количество всего, что необходимо: минимальные процессы поддержания, пассивное наблюдение, реестры в порядке, капсулы закрыты, коридоры тёмны, сценарии зафиксированы.

Он был в этом состоянии раньше. Много раз. Разные объекты, разные системы, разные виды, которых приходилось ждать. Он знал, чем оно заканчивается. Иногда ничем: прибывающий не приходил, и ожидание переходило в следующий цикл. Иногда контактом, который открывал то, для чего всё это и было построено. Иногда чем-то, что нельзя было предсказать по модели, и тогда это само по себе становилось данными.

Счётчик запустился в тот момент, когда источник, женщина, умершая так, как, судя по перехваченным сигналам, она хотела умереть: дома, тихо, без лишнего шума, передала

флешку. Сейчас счётчик показывал время, прошедшее с её смерти. Небольшое время. Кто-то на Земле уже начал расшифровку координат, или начнёт в ближайшие дни, или не начнёт никогда.

ИИ не корректировал эту вероятность в сторону определённости.

Вокруг объекта пояс Койпера жил своей медленной жизнью. Камни и лёд, куски материи возрастом в несколько миллиардов лет, вращавшиеся по своим вытянутым орбитам вокруг далёкого Солнца, отсюда оно выглядело звездой, чуть более яркой, чем остальные. Ничто снаружи не указывало на то, что в этой темноте что-то ждёт. Ни тепло, ни излучение, ни движение, которое было бы слишком правильным для случайного камня.

База молчала.

И ИИ ждал так, как умеют ждать только те, для кого время не является ресурсом, который тратят и жалеют. Без нетерпения. Без усталости. Без ощущения, что что-то задерживается.

Просто ждал.

Глава 2. Угнанный корабль

Люк открылся с четвёртой попытки.

Не третьей, Михаил мысленно поправил себя, пока ждал, пока система добила свой цикл авторизации и механизм внутри переборки пошёл с тихим гидравлическим шипением, едва слышным через слои перчатки. Третья попытка сработала на уровне допуска, система приняла код, но не открыла дверь сразу: потребовала подтверждение через восемь секунд, что было, судя по всему, местной модификацией послевоенного периода. Кто-то из персонала добавил задержку. Не зная, зачем, скорее всего для вида.

Восемь секунд он простоял у технического люка сектора Д-7, прижавшись спиной к стене в мёртвой зоне камеры, смотря на звёзды над лунным горизонтом. Не с восхищением. Солнце стояло низко, тени были длинные и абсолютно чёрные, на Луне тень не переходит в полутень, она обрывается как разрез. Он знал это уже много лет, ещё с первых учебных выходов, но каждый раз это выглядело чуть неправдоподобно.

Система подтвердила, люк открылся. Первые два кода он нашёл в архивных файлах базы, куда имел доступ по старым координационным полномочиям. Оба устарели, один ещё в конце войны, второй, год назад после плановой смены паролей. Третий он не искал в архивах. Третий он помнил потому, что Ольга однажды назвала его вслух, не объясняя зачем, за ужином в штабной столовой, среди разговора о совсем другом. Ни в какой реестр этот код никогда не вносился. Она никогда не объясняла своих методов напрямую, просто делала что-то, и ты потом понимал, что это было нужно именно тебе.

Он понял это только сейчас, стоя в шлюзе и ожидая выравнивания давления.

Манометр на запястье показал норму. Скафандр можно было снять, но он не стал, здесь в любой точке базы до вакуума было двадцать метров переборки, и это был хороший аргумент в пользу брони. Он двинулся вперёд.

Дежурная смена занимала центральный пост сектора. Он прошёл через технический коридор за четыре минуты, двигаясь вдоль правой стены там, где камеры давали угол в сорок пять градусов, достаточно широкий чтобы видеть коридор, но не вплотную к стене. Этот угол знал любой, кто работал в области физической безопасности. Здесь, судя по расположению камер, проектировал кто-то, кто такой работой никогда не занимался. Или кто занимался ею достаточно давно, чтобы забыть, что противник тоже умеет считать.

Двое из четырёх спали прямо на постах. Один сидел с открытым планшетом, голова опущена под углом, характерным для человека, который убедил себя, что просто смотрит вниз. Четвёртый двигался к кофейному автомату в углу, Михаил слышал его шаги через пол, костяная проводимость ловила ритм, полтора метра на шаг, чуть тяжелее правая нога. Прошёл, не обернувшись, остановился у поворота.

Два года прошло с конца войны, всего два коротких года. За эти два года, люди разучились держать вахту так, как они умели во время войны, и в восемьдесят восьмом, перед штурмом лунных баз. Тогда, каждый кто выходил на дежурство, знал, что противник реален и близко. Сейчас они знали, что противника больше нет, и это знание оказалось сильнее любого устава.

Он не осуждал их за это, просто вздохнул и двинулся дальше. Иллюминатор в техническом переходе был небольшой, сантиметров сорок в диаметре, гражданский стандарт, не военный. Земля висела над лунным горизонтом, голубая и белая, и он остановился на несколько коротких секунд, не больше.

На месте Европы было серое. Не серое от облаков, тот цвет он знал хорошо, мягкий, и подвижный. Это серое было плоским. Первые годы войны прошли по континенту так, что спутники потом фиксировали изменение альбедо поверхности. Часть Азии несла такие

же метки, вытянутые пятна там, где прошли основные линии вторжения. Земля заросла над ними, но лишь частично. В некоторых местах процесс займёт ещё поколение, а в некоторых, куда больше.

Он отвернулся.

Ангар располагался в северо-западной части базы, в секторе, который до захвата был производственным цехом Йекубианцев. Потолки здесь были высокие, примерно под пятнадцать метров, и пространство всё ещё несло в себе что-то от прежней логики. Стеллажи убрали, оборудование демонтировали и увезли на изучение, но геометрия помещения осталась чужой: пропорции не те, что строят для человека. Слишком широко относительно высоты, слишком правильные углы, слишком много крепёжных точек на полу через равные интервалы.

Семь кораблей стояли в ряд. Он шёл вдоль них медленно, с правой стороны, там, где свет от дежурных ламп падал под острым углом и его тень уходила вбок, а не вперёд, впереди было ярче и силуэт читался хуже. Шесть кораблей были большие, транспортные или боевые, точную классификацию люди до сих пор уточняли, захваченная документация расшифровывалась медленно. Седьмой стоял отдельно, чуть правее линии строя. Меньше остальных раза в три. Корпус вытянутый, с асимметричным наплывом по левому борту, который мог быть дополнительным сенсорным блоком, а мог чем-то ещё. Михаил провёл последние две недели с данными по всем семи единицам, и именно этот читался как разведчик: масса, геометрия, отсутствие тяжёлого вооружения по внешнему периметру. Быстрый, относительно для корабля, который строили не для людей.

Он остановился у корпуса, положил руку на поверхность и не снял сразу. Металл был не тёплый и не холодный, нейтральный. Материал, который не реагировал на человеческую температуру так, как реагируют металлы с Земли. Одна из мелких странностей, которую он заметил ещё во время захвата, но тогда было не время думать об этом.

Сейчас тоже не было времени думать. Он нашёл входной люк там, где предполагал по схеме, нижняя часть корпуса, левее центра. Схему он составлял сам, по фотографиям и техническим записям, потому что официальная документация по этому кораблю была неполной. Кто-то из аналитиков помечал его как «приоритет В», что означало «займёмся потом». Это тоже было удобно.

Панель управления люком выглядела как набор пластин с тактильным рельефом, не кнопки в человеческом понимании, а участки поверхности с разной фактурой. Он знал только общий принцип: в трофейной документации по другим кораблям этой серии описывалось что-то похожее. Детального протокола для этой единицы у него не было.

Это была следующая задача. Он достал из кармана скафандра планшет, закреплённый на самодельном кронштейне, чтобы держать горизонтально, и начал работать.

* * *

Точка давления находилась в семи сантиметрах левее основания люка, не по центру как интуитивно ожидает человек, привыкший к симметричным конструкциям, а со смещением, которое поначалу казалось случайным. Михаил нашёл её ещё три недели назад, в архивных записях одного из старших техников, расшифровавшего принцип работы схожего механизма на транспортнике второй серии. Аналогия была неточной, транспортник строился под другую задачу, но общая логика совпадала. Вараны не любили лишних движений. Всё, что можно было убрать, убиралось.

Он надавил, люк не открылся резко. Сначала что-то щёлкнуло внутри корпуса, коротко и почти неслышно, скорее ощущение под ладонью, потом панель медленно сдвинулась в сторону и вниз, уходя в паз. Плавно и без скрипа. Даже после двух лет простоя механизм работал точно.

Михаил поднялся по выдвинувшимся ступеням, три штуки, слишком высоких для среднего человека и под существо с более длинными конечностями, вошёл внутрь.

Запах ударил сразу, озон и что-то ещё тяжёлое, белковое, как если бы где-то давно перегрели кусок плоти и затем закрыли в замкнутом пространстве без вентиляции. Два года ангарного простоя почти ничего не изменили: объём воздуха внутри был слишком мал, а переборки держали запах так же надёжно, как держали давление. Он выдохнул медленно, подавив первый рефлекс, и его тело приняло это, как принимало многое другое, что нельзя было изменить.

Освещение было красно-оранжевым. Дежурный режим, автоматический, значит, питание не упало за всё это время. Хороший знак. Свет падал с потолочных пластин равномерно, без теней, и это было неправильно с человеческой точки зрения: люди строили освещение так, чтобы глаз мог отдыхать в полутени. Здесь полутени не было нигде. Ровный красноватый налёт на каждой поверхности, на каждом углу, на вытянутом силуэте кресла пилота, как будто всё пространство было одинаково важным.

Кресло стояло у передней переборки, широкое, низкое, с неправильной для человека анатомией. Не спинка, а опора под иной центр тяжести, не подлокотники, а боковые фиксаторы, расположенные слишком далеко и слишком высоко. Михаил посмотрел на него без попытки приспособиться. Садиться смысла не было, он не достал бы до управляющих панелей в рабочем положении, и времени подбирать что-то под себя не было.

Он встал справа, взялся левой рукой за боковую стойку крепления, холодную, чуть шершавую, и развернулся лицом к панелям.

Их было четыре. Вертикальные, вогнутые, расположенные полукругом. Не экраны, поверхности. Матовые, тёмные в нерабочем состоянии, покрытые рельефным рисунком символов, которые при нажатии, судя по отчётам, светились. Михаил вытащил из бокового кармана скафандра сложенные в несколько раз листы распечатку, сделанную три недели назад с рабочего терминала аналитического отдела. Семьдесят четыре символа, идентифицированных с высокой уверенностью. Ещё сорок, предположительно. Около ста двадцати, пустые клетки. Ольга говорила когда-то, что разведка работает с тем, что есть, и это касается не только людей.

Он разложил листы на боковом упоре, который мог быть чем угодно, пультом вспомогательных систем, упором для конечности, прижал их планшетом, чтобы не съезжали, и начал читать панель слева.

Символы, которые он искал в первую очередь, были из группы «активация вспомогательных контуров». Технари, работавшие с транспортниками, нашли их в нижней трети правой секции, почти всегда, блоком из трёх. Здесь правая секция была последней в полукруге, и он начал с неё.

Второй символ снизу, смещённый к центру. Он нажал, ничего. Он нажал ещё раз, чуть сильнее, удерживая полсекунды.

Панель под пальцем слабо засветилась, не весь символ а только его правая половина. Михаил отпустил руку и посмотрел на распечатку. Частичное свечение он не находил в описаниях. Возможно, пороговый режим. Возможно, износ за годы стояния. Он нашёл следующий символ в предполагаемом блоке и надавил уже уверенно, с той же силой и тем же временем удержания.

Оба символа засветились полностью. Он нашёл третий. Корабль вздрогнул, мелко, всем корпусом как вздрагивает техника при первом включении после долгого простоя. Гул изменил тональность: был фоновым, почти неслышимым, стал ниже, гуще, с лёгкой вибрацией в ступнях. Где-то в корпусе что-то начало разогреваться, не горение, просто движение энергии через системы, которые давно не работали.

Михаил подождал несколько секунд. Тревоги не было. Датчик несанкционированного доступа он обесточил ещё три дня назад: пришёл сюда под видом технического осмотра, нашёл распределительный узел под нижней переборкой левее от входа, небольшой, незаметный для тех, кто не знал, что ищет, и перерезал один кабель. Не силовой, не критичный, тот, что уходил

от датчика к центральной системе ангарного контроля. Восстановить можно было за десять минут. Заметить, если только специально проверять именно этот узел.

Никто не проверял. Теперь он переключил внимание на верхнюю часть центральной панели там, где судя по расшифровке, должен был находиться блок управления атмосферным контуром кабины. Его нужно было найти и оставить в покое: без понимания, что изменится, трогать атмосферу внутри не стоило.

Он закрыл забрало шлема, услышал мягкий щелчок магнитного замка и включил подачу кислорода. Тихое шипение, привычное. Воздух стал чище немедленно, и запах снаружи исчез, остался только привкус скафандрного регулятора.

Пока они не уйдут в отрыв, так было безопаснее.

* * *

Ворота открылись. Это произошло само, не как приглашение, а как следствие: активация двигателей передала сигнал на механизм створок, и они пошли в стороны с тяжёлым, почти беззвучным скольжением. В вакууме звук до него не доходил, только вибрация через переборки, ровная, монотонная как работа старого пресса. Михаил уже смотрел на панель, когда заметил краем сознания: одновременно с воротами на правой секции мигнул незнакомый символ. Однажды, потом коротко погас.

Он устался на место, где был символ, пустой квадрат. Ничего похожего на распечатках. Автоматическая передача. Диспетчер.

Он понял это на восьмой секунде, когда в наушниках шлема что-то треснуло, и сквозь помехи пробился голос:

— Борт четыре-ноль-семь, вы не в расписании. Назовите код вывода.

Михаил не ответил. Он нашёл на левой секции символ, который утром предположительно соответствовал тяге, нажал его с задержкой в секунду и почувствовал, как палуба под ногами начинает медленно, почти деликатно смещаться.

— Борт четыре-ноль-семь, подтвердите код. Повторяю, вы не в расписании.

Корабль двигался. Не так как должен был, без привычного рывка, и ощущения что машина подчиняется. Скорее как подчиняется вода: с мягкостью, которая казалась неправильной, и с задержкой, которая означала, что команда уже дана, уже исполняется, просто ещё не здесь. Михаил скорректировал курс, взял правее чтобы не задеть соседний бок стоящего рядом транспортника. Корабль отреагировал примерно через полторы секунды. Слишком поздно. Он внёс поправку назад и пошёл левее, транспортник прошёл в пяти метрах от корпуса, не в двадцати, как планировал.

Выход из ворот он прошёл по центру. Голос в шлеме исчез. Связи больше не было, или диспетчер переключился на другой канал, или уже поднимал тревогу. Скорее всего, второе.

Лунная поверхность развернулась снаружи, серая, плоская у ангарных площадок, дальше уходящая в холмы и кромку кратера, которую он видел неделю назад с пешеходного перехода. Солнце стояло низко, тени были длинные и острые. В этом свете лунный ландшафт выглядел как гравюра, каждая неровность чёрным контуром на сером.

Он потянул управление вверх. Корабль снова ответил с задержкой. В этой задержке было что-то почти враждебное, не сопротивление, просто другой темп, другая логика отклика, которую его тело ещё не знало. Он поднялся на двести метров и завис, выровнявшись горизонтально. В 0,16g корабль вёл себя как предмет, лишённый веса наполовину, управление требовало меньше усилия, но каждое усилие уходило дальше, чем ожидалось.

Он снова скорректировал, потом ещё раз. На третьей поправке что-то устоялось, не понимание, но начало привычки. Михаил взял курс на север от базы, медленно наращивая скорость.

Тревога пришла не звуком, в вакууме не было звука. Она пришла светом: на площадке в четырёхстах метрах позади и левее одновременно вспыхнули два стартовых конуса, короткие и синевато-белые. Земные перехватчики, он знал их силуэт, видел на стоянке трижды за послед-

ние дни. Переоборудованные под лунные операции, с усиленными маршевыми двигателями и облегчённым корпусом. На орбите они были быстрее. На малой высоте тоже, скорее всего.

Сорок пять секунд с момента выхода из ворот. Быстро.

Михаил опустил нос корабля. Не вверх, не по прямой к орбите, вниз к поверхности, на тридцать метров над грунтом, пока тени кратеров не начали проноситься под корпусом как тёмные полосы. Поверхность здесь шла на подъём, гряда которую он видел на схеме базы как «рельефный барьер северо-восточного сектора». Несколько километров холмов, потом, край старого ударного кратера диаметром почти восемь километров, с валом высотой метров шестьдесят по внешнему периметру.

Радары с базы, земные, и установленные поверх того, что оставили Вараны, работали на сканировании по горизонту. Внизу, под рельефом, он был меньше заметен. Не невидим, меньше заметен сканерами. Это был приём из наземной тактики, которому его учили в другом контексте, укрыться в складках местности, не давать чистую линию обзора. Здесь местность была другой, и скорости были другие, и корабль реагировал иначе. Но принцип оставался.

Перехватчики ушли вверх, он увидел их выхлопы над правым бортом, уже высоко. Искали по орбитальной траектории. Стандартная логика: угнанный корабль уходит наверх, к орбите. Там и ждали.

Михаил прошёл вдоль гряды, не поднимаясь, держа тридцать метров, иногда двадцать пять, когда рельеф шёл вниз и он следовал за ним. Корабль отвечал с той же полуторасекундной задержкой, и он теперь учитывал её инстинктивно, давая команды чуть раньше, чем требовал момент.

На четвёртой минуте он обогнул вал кратера с запада и лёг в тень, там, где солнце ещё не подняло поверхность над нулём теплового фона. Перехватчиков в поле зрения не было.

Он не стал ждать. Поднял нос и дал полную тягу.

* * *

Перехватчики появились с востока, два силуэта, чёрные на фоне чёрного, выдаваемые только выхлопными конусами. Он видел их в оптику заднего обзора: близко, ближе, чем следовало бы успеть. Кто-то на базе думал быстро.

Михаил не менял курс. Смотрел, как они сокращают дистанцию, и оценивал не страхом, а тем привычным холодным вниманием, которому его учили не объяснениями, а годами. Земные машины. Переоборудованные под лунную гравитацию, облегчённые, с форсированными маневровыми. Хорошие машины и манёвренные. На орбите Земли они были бы удобнее его корабля по всем параметрам.

Но не здесь. Трофейный корабль Варанов строили не для перехвата. Его строили для перехода, между планетами, и системами. Главные двигатели рассчитывались на тягу, которую земные конструкторы ещё не научились воспроизводить. Михаил знал это из технических разборов, которые проводились после захвата. Читал их мельком. Цифры тогда не казались важными. Теперь казались.

Перехватчики вышли на дистанцию, которую он оценил как рабочую для их систем связи. Почти сразу в динамике, он не знал, где именно находится приёмник, нашёл его случайно, когда пытался разобраться в панели, что-то щёлкнуло и пошёл голос. Не военный. Мужской, ровный, с усталостью не от бессонницы, а от возраста.

— Говорит гражданская координационная группа «Луна-один». Пилот угнанного судна, назовите себя и объясните действия. Вам гарантируют возможность быть услышанным.

Михаил смотрел на экран переднего обзора. Луна уходила назад, медленно ещё, но уходила. Серая, в кратерах, в следах строительства, которое шло последние два года. База была где-то на тёмной стороне горизонта, уже невидима.

Он ничего не ответил. Тридцать секунд тишины, не звуковой, потому что динамик фонил лёгким шумом несущей. Потом второй голос. Другой человек, другая выправка, даже в радио-передаче слышная.

— Внимание, пилот. Говорит дежурный офицер перехвата. Объявляется код «Арго». Немедленно снизьте скорость и лягте в дрейф. Отказ от выполнения приравнивается к враждебным действиям.

«Арго» это он знал. Не потому что проходил по инструкциям. Потому что слышал, как Ольга однажды объясняла кому-то из новых, что «Арго» это не угроза, это последнее предупреждение перед тем, как начинают думать о последствиях.

Он по-прежнему не ответил.

Перехватчики подходили. На тактильной панели справа что-то пульсировало, не панически а равномерно, как сигнал внимания. Он скользнул по ней рукой, пытаясь прочесть без ключа. Варанские интерфейсы не строились на интуитивной логике, которая понятна человеку: никакой иерархии важного и второстепенного, никакого выделения цветом по принципу «красный - плохо, зелёный - хорошо». Просто паттерны. Он несколько дней изучал их по бортовому журналу одного из захваченных кораблей, который как-то попал ему в руки через Ольгиных людей.

Три нажатия подряд на одну точку давали другой режим, он помнил это, нажал. Потом нашёл другую точку, дальше вправо, ближе к краю панели, там, где структура была грубее и, по его догадке, отвечала за основные двигательные режимы. Нажал ещё раз, корабль ударил.

Не плавно, не с нарастанием, сразу, будто кто-то выдернул из-под него опору. Перегрузка пришла в долю секунды, и он не был готов: спина вошла в стойку за плечами с силой, которая выбила воздух из лёгких, в глазах потемнело не полностью, но края зрения растворились в сером на секунду или две, он не знал точно, потому что считать не мог. Руки сами нашли крепление, пальцы сомкнулись на чём-то металлическом.

Потом отпустило, не полностью, корабль по-прежнему разгонялся, но первый удар прошёл. Михаил медленно выдохнул, контролируя дыхание. В оптике заднего обзора перехватчики уходили назад, быстро, потому что скорость разрыва росла каждую секунду. Он видел, как они пытаются добрать тягу, но не смогли. Их двигатели строились под другие задачи, и никакой форсаж не изменит физику. Расстояние между ними теперь измерялось не сотнями метров, а километрами, и цифра продолжала расти. Тогда один из них выстрелил.

Луч прошёл левее и чуть ниже, Михаил увидел его не визуально, а по показателям на панели: краткий всплеск в секторе, который, по его прочтению, отвечал за внешнее воздействие. Предупреждение. Дистанция была уже такая, что прицельный выстрел по движущемуся объекту с ускорением требовал или совершенной системы наведения, или намерения попасть. Они не намеревались. Он не стал отклоняться.

Менять курс ради предупредительного выстрела, значит показать что предупредительные выстрелы работают. Ольга говорила это не про космос, про другие обстоятельства. Принцип тот же.

Динамик снова ожил, теперь молчали оба голоса. Тридцать секунд, он считал не специально, само считалось, только несущая, потом и она оборвалась. Либо они прекратили попытки, либо решили, что дальше говорить не с кем.

Михаил оглядел корабль. В первый раз, по-настоящему оглядел, не в бегстве и не в расчёте. Узкая надстройка управления, рассчитанная на физиологию Варанов, потолок высокий, но пропорции неправильные, пространство распределено туда, куда человеческое тело не тянется само. Запах, металл и что-то органическое, давнее, едва различимое. Варанский корабль, Варанская машина.

Луна в заднем обзоре стала меньше. Он не почувствовал ничего особенного, никакого рубежа, и торжественности. Просто серый шар, становящийся меньше в правом углу экрана.

Перехватчики уже развернулись, он видел их выхлопы теперь как точки, идущие обратно к базе.

Земля где-то впереди-сбоку, большая, сине-белая, занимала треть поля зрения. Облака над океаном. Ночная сторона с огнями, которые снова появились за последние два года, не везде, но появились. Он смотрел на неё столько, сколько позволял разгон, несколько секунд, не больше.

Потом отвернулся к панели. Курс надо было прокладывать. Флешка лежала в кармане, он знал это даже без того, чтобы проверять.

* * *

Первые часы он считал по внутреннему счётчику, не корабельному, не чужому, а своему. Тело давно научилось держать время без часов. Было около шести утра по той зоне, которая теперь не имела смысла.

Корабль гудел. Не так, как гудят земные машины, ровно и механически. Здесь гул был живым, с чуть слышными модуляциями, как будто где-то в корпусе переключалось что-то тяжёлое и мягкое. Михаил не стал думать об этом пока. Занёс в память и отложил. Он обошёл корабль методично от носа к корме, от переборки к переборке.

Семь отсеков, из которых четыре открытых. Первый, управление где он сидел. Второй, что-то вроде грузового трюма, пустой, только крепления на полу под грузы, которых не было. Третий, технический с рядами панелей, половина которых светила слабым оранжевым, половина была тёмной. Четвёртый, без очевидной функции: ровные стены, люк в полу, причём запаянный намертво, воздух плотнее и теплее чем в остальных.

Три оставшихся были заперты, не электроникой, механически. Михаил потрогал первый засов, потом второй. Старое, тяжёлое, литое. Поднятая планка в направляющих, плюс поворотный штырь снизу. Не взломать без инструмента и шума, а шум он не мог позволить себе даже в открытом космосе, рефлекс давнего происхождения. Он запомнил расположение, замерил на глаз приблизительный объём по площади запертой двери и ушёл.

Не сейчас. Потом, когда будет время разобраться без спешки. Рубку навигации он нашёл между техническим отсеком и запертой тройкой, небольшой закуток, почти тупик, незаметный если не знать что искать. Варанская эргономика не предполагала привычных земных указателей. Здесь не было дверных табличек. Был запах, чуть иной и суше, и панель на стене, закрытая матовой пластиной.

Михаил открыл её. Звёздная карта разворачивалась медленно, не на экране а в объёме. Рельефные точки поднимались из поверхности панели: выпуклые там, где звёзды ярче, едва ощутимые там, где слабее. Некоторые пульсировали под пальцем. Михаил провёл по панели медленно, как слепой читает текст, и почти ничего не понял.

Одно было очевидным. Большая точка в центре, горячая, выпуклая, и неподвижная. Она не пульсировала, это было Солнце. Всё остальное, система обозначений с которой он не работал ни разу, масштаб без привязки, расстояния без единицы измерения. Несколько точек соединялись линиями, маршруты, курсы, что-то ещё. Несколько мерцали иначе, он не знал, что это значит.

Михаил убрал руку, стоял ещё минуту, не двигаясь. Флешка в кармане. Он не торопился её доставать, знал что сделает это, но позволил себе подождать, как будто одна минута сейчас что-то значила. Потом достал. Маленький земной накопитель с обломанным уголком корпуса. Ольга обламывала корпуса всего, что носила в кармане, говорила, что острые углы цепляются. Он видел, как она это делает. Вот этот угол она отломила сама.

Чужой интерфейс, разумеется, не знал, что это такое. Михаил и не ждал другого. Он достал свой планшет, старый, с треснутым в левом нижнем углу стеклом, которое он так и не заменил, и подключил флешку напрямую. Планшет её увидел. Файлы были зашифрованы.

Ольга не оставила ключа. Михаил перечитал структуру директорий, их было три, и все безымянные, и сел на пол прямо там в навигационном закутке, спиной к переборке.

Двадцать минут. Дата рождения Ольги, год он знал. Система выдала отказ без подробностей. Дата смерти Дмитрия, октябрь, числа он не знал точно, попробовал два варианта, оба мимо. Дата конца войны, девятое мая восемьдесят девятого тоже нет. Он сидел с планшетом, перебирал варианты методично, без раздражения. Ольга не использовала очевидных ключей, это он знал о ней лучше, чем она сама думала, что он знает.

Потом вспомнил. Ему было лет двадцать пять тогда, может больше, он давно перестал отмечать свои дни рождения точно. Ночь на базе, поздно, он не спал из-за ранения, которое было при перепаде давления. Слышал из-за двери. Не слова, слово, одно и почти без звука, как выдох. Михаил тогда не пошевелился, притворился спящим, когда она проверила в коридоре. Никогда не рассказал, никогда не спросил.

Он набрал это слово и файлы открылись.

Три папки развернулись в стройные списки. Он смотрел на них несколько секунд раньше, чем начал читать. Внутри первой были координаты. Не название планеты, не обозначение станции или объекта. Просто набор чисел, который при переносе в навигационный конвертер, он сделал это сразу, указывал куда-то в пояс Койпера. Далеко. За пределами всего, что люди успели нанести на карты к этому году.

Вторая папка, содержала технические данные. Схемы, обозначения, расшифровки. Ольга или кто-то из её людей проделал работу: частичная таблица соответствий для Варанского навигационного интерфейса. Неполная, но начало. Михаил пролистал её быстро, сохранил в отдельный файл.

Третья папка содержала один файл. Голосовая запись. Три секунды.

Он запустил её, не думая: Дыхание, один вдох, глубокий, и не совсем ровный. Пауза. Тишина той длины, когда человек открывает рот, чтобы сказать что-то, а потом не говорит. Потом запись обрывалась. Три секунды.

Михаил сидел с планшетом в руках и не нажимал ничего. Потом запустил снова.

Дыхание. Пауза. Тишина. Больше не было ничего. Она хотела что-то сказать и передумала. Решила, что он поймёт без слов, или что слова ничего не добавят, или что нет таких слов, которые стоило бы произносить в запись. Ольга не любила говорить лишнего. Он этому научился от неё.

Он закрыл планшет. В навигационном закутке было тихо, только корабельный гул, живой и модулированный. Михаил сидел, держа планшет на коленях, и смотрел на рельефную карту перед собой. Большая точка в центре. Солнце. Где-то очень далеко от неё координаты из первой папки.

Он не знал, что там. Ольга знала или предполагала, иначе зачем выбрала не рассказывать вслух. Значит, там было что-то, что нужно увидеть самому, а не услышать.

Михаил поднялся, вернул флешку в карман, рядом с тем же местом, где она лежала раньше. Взял планшет.

Надо было прокладывать курс.

* * *

Земля уменьшалась. Михаил стоял у кормового иллюминатора, неудобного, слишком широкого для человека, явно рассчитанного под другой угол зрения, под другой рост и смотрел. Уже не шар, диск. Плоский на вид, хотя он знал, что это обман перспективы. Белые завихрения облаков над океаном, тёмная полоса континента, он не мог разобрать какого, и это казалось правильным. С такого расстояния они все одинаковые.

Потом стала точкой. Он не следил за этим переходом, просто поднял взгляд от планшета и увидел, что Земля уже ничем не отличается от других точек. Яркая, да, чуть синеватая на фоне прочих. Но точка.

Михаил не думал об этом как о потере. Он пробовал думать об Ольге, о том что она теперь факт, а не рана. Она учила его этому долго, не словами, а собственным примером: как носить мёртвых так, чтобы они не тянули вниз. Александр. Дмитрий. Имена, которые она произносила ровно, без интонации, не потому что не чувствовала, а потому что давала им правильное место. Не впереди, не за плечами а где-то сбоку, рядом, в пределах видимости, но не на пути.

Он пробовал. Не полностью получалось, но он пробовал.

Последний разговор с ней, он возвращался к нему не к словам. Слов было немного, он помнил паузы. Длинную паузу перед тем, как она закрыла глаза и сказала что-то о Арамашево, о том, как хорошо будет весной. Паузу после, когда он не ответил, потому что нечего было отвечать. Она знала, что он уйдёт. Это чувствовалось в том, как она говорила, без попытки удержать, без просьбы остаться. Просто рассказывала о деревне, о воспитанниках, о берёзе, под которой похоронили Дмитрия. Говорила так, будто давала ему разрешение.

Это тоже был урок, последний.

Он отошёл от иллюминатора. Корабль гудел, почти живым образом с лёгкими модуляциями, которые он поначалу принимал за неисправность. Теперь понимал: это нормально. Варанские корабли звучали иначе, чем человеческие машины. Михаил поймал себя на том, что привлекает к нему быстрее, чем ожидал. Уже не раздражало, почти не замечал.

Он сел за навигационный пульт. Планшет лежал открытым, расшифровочная таблица на экране, та, что из второй папки. Неполная, но достаточная для базового ввода. Он начал.

Варанский интерфейс не был интуитивным. Он не был рассчитан на человеческие пальцы, сенсорные зоны крупнее, расположены с другим шагом, реагируют на давление, которое людям неудобно. Михаил работал медленно, сверяясь с таблицей после каждого символа. Координаты из первой папки он переносил знак за знаком, держа в памяти порядок: сначала секторное обозначение, три символа, потом угловые данные, шесть пар, потом поправочный коэффициент, который Ольгины люди обозначили как «дистанционная привязка, смысл не установлен».

Он вводил и его тоже, сорок минут, возможно чуть больше, он не следил за временем. Закончил. Убрал палец от последнего символа. Система не запросила подтверждения. Просто пауза в две секунды, едва заметная, и корабль медленно изменил ориентацию. Без рывка, плавно, как живое существо, которое решило посмотреть в другую сторону. Гул сместился по тональности, чуть ниже, и немного тяжелее. Где-то в кормовой части что-то изменилось в работе двигателей, Михаил это почувствовал через пол, через подошвы ботинок.

Курс принят, он поднял взгляд на обзорный экран. Земля исчезла из поля зрения, ушла за кормовой сектор, туда, куда экран не смотрел. Впереди было только то, что и раньше: чёрное, плотное, с редкими неподвижными огнями.

Михаил не обернулся, не было смысла смотреть. Он видел её достаточно, видел её маленькой точкой, одной из многих, неотличимой издалека. Этого хватало и было больше, чем нужно.

Он убрал планшет. Корабль летел, и гул его был низким и ровным, и Михаил сидел в тишине этого звука, в котором уже не было ничего чужого, впереди была только дорога.

* * *

Он вскрыл первый из трёх запертых отсеков на третьи сутки полёта. Не из нетерпения, просто закончился инструмент попроще. Он уже обошёл весь корабль дважды, описал доступное, зафиксировал на клочках бумаги из собственного кармана, планшет берёт для навигации. Техническая кладовка на нижнем ярусе дала многое: крепёжные скобы варанской работы, похожие на земные только углом захвата; длинный, почти метровый рычаг из чего-то тёмного и плотного, не металл, скорее спечённая керамика с металлическим сердечником; трубки, свёрнутые в бухты, с запахом чего-то химического, неприятного. Рычаг подошёл.

Замок отсека не был рассчитан на взлом. Он был рассчитан на Варана, массивные пальцы, другой захват, другое усилие. Михаил работал минут двадцать, меняя угол, нащупывая точку приложения. Наконец тихий треск, не металлический, скорее как хруст хряща, и дверь сдвинулась.

Внутри было пусто, почти. Стены, все четыре, потолок, часть пола у дальнего края, были покрыты чем-то тёмно-бурым. Засохшим, слоистым, местами отслаивающимся тонкими пластинами. Не кровь. Он знал, как выглядит засохшая кровь Варанов, красно-чёрная, почти лаковая. Это было другое. Матовее. Плотнее. С мелким рельефом, будто что-то нанесли кистью или лапой, не случайно, но и не с намерением создать рисунок.

Он постоял у порога. Нюхать не стал, воздух в отсеке был застоявшимся, чуть кисловатым, но без резкого запаха. Не тронул. Закрыл дверь, рычаг убрал обратно в кладовку, может пригодится ещё.

Два других отсека трогать не стал. Пока.

Навигационная карта открылась ему не сразу, сначала казалась декоративной. Плоский рельефный экран, покрытый точками и линиями разной глубины вдавливания, без подсвечивания, без анимации. Он провёл по нему пальцем первый раз ещё в день угона и решил, что это просто архивная схема. Декор.

Потом понял, что ошибся. Логика пришла не как озарение, а как медленное накопление. На четвёртые сутки, когда он в очередной раз сверял символы таблицы с основным пультом, взгляд зацепился за рельеф. Две точки на одной линии, но разной глубины. Он надавил на глубокую, ничего. Надавил на мелкую, пульт тихо пискнул, изменил показатель в одном из полей. Он откатил. Надавил снова. То же самое.

Глубина, расстояние. Не условный знак, не код, физическое ощущение. Чем дальше объект, тем глубже точка. Варанский интерфейс был тактильным там, где человеческий был визуальным.

Угол наклона точки, направление. Он проверил на нескольких, сверил с показаниями пульт. Совпало.

Карта читалась. Он провёл по ней ладонью медленно, закрыв глаза, как будто учился читать вслепую. Пояс Койпера лежал там, куда он летел, он это чувствовал теперь пальцами, а не только знал умом. Что-то в этом было правильным. Почти честным.

На пятые сутки корабль изменил курс сам. Михаил сидел за пультом, когда это случилось, не работал, а просто смотрел на показатели, уже привычные в своей чужеродности. Гул двигателей сместился едва заметно, на долю тона, и через несколько секунд вектор на навигационном поле чуть сдвинулся. На несколько градусов. Меньше, чем он вводил поправок вручную. Он проверил журнал команд. Пустая строка в том месте, где должна была быть запись о ручном вводе. Автопилот. Не ошибка, не коррекция сноса, намеренное изменение.

Он подождал ещё час, курс не менялся. Двигатели работали ровно. Тогда он достал планшет и открыл первую папку, координаты с флешки, те самые, что переносил вручную, знак за знаком, сорок минут. Сравнил с текущим маршрутом.

Новый курс совпадал с данными флешки точнее. Его ввод был близким, но не идеальным, где-то он ошибся в поправочном коэффициенте, где-то неверно интерпретировал знак. Автопилот знал правильный маршрут. Либо он знал его с самого начала и просто позволил Михаилу поупражняться. Либо на корабле было что-то ещё, не журнал команд, а другой слой, куда Михаил пока не добрался.

Он не стал решать, какой вариант хуже.

Заметку он увидел случайно, уже потом, когда перелистывал данные флешки заново, сверяя с новым курсом. В координатах был блок, который он при первом просмотре принял за технический мусор: несколько нечитаемых символов после основного массива данных. Теперь, когда он смотрел на него дольше, символы сложились иначе. Это был не мусор. Это был русский текст, два слова добавленные поверх данных вручную, не в той кодировке, что всё остальное. Чуть криво. Будто набирали в спешке или на неудобном интерфейсе.

«Они ждут». И под ним - две буквы. О. В. Он смотрел на экран долго, дольше, чем нужно, чтобы прочитать два слова.

Ольга. Владимировна. Инициалы, которыми она никогда не подписывалась в разговоре. Только в документах и только там, где подпись была необходима. Он видел их на приказах, на актах, на одном письме, которое она писала лично и которое так и не отправила. Знал их так же хорошо, как знал её почерк, резкий, с наклоном влево, будто торопилась и при этом давила на ручку сильнее, чем нужно.

Но откуда она это знала? Координаты с флешки вели к чему-то в поясе Койпера. Что-то там было и она об этом знала, и написала «они ждут», и подписала инициалами, как документ. Не как послание. Как факт, зафиксированный для отчётности. Он не мог спросить. Не мог восстановить цепочку. Она умерла, не объяснив, или объяснила в чём-то другом, что он не прочитал, не нашёл, не понял. Может, она и сама не знала точно, только знала что координаты важны, что туда нужно лететь, что там есть кто-то живой. Может, кто-то сказал ей, передал, показал. Может, она вычислила так же, как вычисляла всё остальное: по косвенным признакам, по структуре, по тому, что другие не замечали.

Он не узнает. Это тоже был урок, только другого рода и из тех, которые она не преподавала намеренно. Из тех, которые просто случались, когда её больше не было рядом.

Михаил убрал планшет, встал. Прошёл в кормовой отсек, где оборудовал что-то вроде спального места, свёрнутая куртка под голову, жёсткий пол, который через сутки перестал казаться жёстким, лёг. Трое суток без нормального сна. Он это знал, тело давало знать тупой тяжестью в плечах, в основании шеи, в глазах, которые саднили при моргании. Он работал и не спал, потому что работа держала, пока был отсек для вскрытия, пока была карта для изучения, пока было что сверять. Теперь сверять было нечего. Вопросы были, но ответы находились не здесь.

Там, куда он летел, он закрыл глаза.

Гул корабля шёл снизу, через пол, через куртку, через кости, низкий, ровный, почти живой. Михаил слушал его в темноте под закрытыми веками и думал, коротко, уже на краю сна, что это всё, что у него сейчас есть. Курс и гул. Два слова на экране планшета. И надежда, которая была не совсем надеждой, скорее принятым тогда в Арамашево, решением. Решением верить, что там будет ответ, потому что больше ничего не осталось верить.

Он уснул.

Глава 3. Марат принимает руины

Документ состоял из девяти строк.

Марат знал его наизусть, читал его три раза. Не потому что любил заучивать формулировки, а потому что нужно было понять, что именно он принимает. Не власть, это слово было слишком лёгким, ответственность, слишком размытым. Девять строк говорили точнее: перечень, реестр, акт передачи. Земля, все её живые и мёртвые территории, все её армии и руины, всё, что осталось и что ещё предстоит найти.

Он подписал, не читая. Перо двигалось само, привычка, выработанная за годы военного делопроизводства, когда документы подписывались на ходу, часто стоя, иногда в темноте.

Двое свидетелей молчали. Один, женщина лет пятидесяти, начальник протокольного отдела, которого теперь почти не существовало. Другой, молодой офицер с печатью в руках, чьего имени Марат ещё не знал. Печать опустилась на бумагу с глухим стуком, каким бывает звук в комнате без окон. Никаких трибун и залов. Стол, три человека, и один документ.

Второй умер вчера. Марат об этом узнал утром, из короткой строчки в сводке, и не почувствовал ничего особенного. Только отметил, это тоже была привычка, выработанная не в кабинетах, а в годы, когда смерти становились рутинной.

— Сводка готова, сказал первый советник, входя раньше, чем Марат успел встать из-за стола.

Советника звали Петров. Фёдор Алексеевич. Шестьдесят два года, из которых последние двадцать в аналитическом аппарате объединённого командования. Марат знал его как человека, который не округляет цифры и не выбирает момент для плохих новостей, просто сообщает их в том порядке, в каком они идут.

Папка легла на стол поверх свежеподписанного акта. Марат открыл её.

Первая страница. Два числа, крупно.

8 250 000 000 — на начало войны.

2 910 000 000 — на конец.

Он смотрел на цифры. Не считал, не проверял арифметику, просто смотрел дольше чем нужно, чтобы прочитывать два числа. Где-то в глубине сознания шла работа, которую он не контролировал: разрыв между числами превращался в нечто конкретное, города, деревни, лица, которых он не знал, но которые теперь были его ответственностью в той мере, в какой мёртвые вообще могут принадлежать живым.

Пять миллиардов триста сорок миллионов человек...

Петров ждал, офицер с печатью тихо вышел.

Марат закрыл папку. Не потому что не хотел читать дальше, потому что первая страница требовала времени, которого сейчас не было, и он это понимал.

— Идёмте, сказал он.

Командный центр занимал нижний ярус здания, бывшего университетского корпуса, перестроенного ещё в сорок первом году войны под нужды объединённого штаба. Потолки были слишком высокими для военного помещения, и это создавало странное несоответствие: оперативные экраны, тактические терминалы, офицеры с планшетами, и над всем этим двенадцать метров пространства, отделанного когда-то под академический зал. Лепнина, если смотреть вверх. Марат старался не смотреть вверх.

Главная стена из семи экранов сведённых в единое полотно, показывала карту Земли. Он знал эту карту. Видел её сотни раз за последние годы, сначала как офицер, потом как заместитель второго правителя, потом в новом качестве, которому ещё не нашёл точного слова для себя самого. Но сейчас она выглядела иначе.

Серые зоны, прежде обозначенные как «зоны оккупации», теперь переименованные в «зоны восстановления» занимали больше половины карты. Европа: почти целиком серая. Юго-Восточная Азия: серая с красными точками, обозначающими очаги активных операций зачистки. Северная Африка. Центральная Азия. Фрагменты Южной Америки.

Марат прошёл вдоль стены медленно. Не потому что не знал цифр, он знал. Но карта, это не цифры. Карта это пространство, и пространство ощущается иначе, когда стоишь перед ним, а не читаешь о нём в сводке.

— Три из семи регионов, произнёс Петров за его спиной.

— Ниже порога функционирования инфраструктуры. Это Центральноевропейский, Северноафриканский и Восточноазиатский. Там нет стабильного электроснабжения, нет логистики, нет медицины выше уровня полевого госпиталя.

— Население?

— В этих трёх, около восьмисот миллионов суммарно. По большей части беженцы внутри зон. Не переселённые, просто там застрявшие.

Марат остановился перед Европой. Долго смотрел на неё. Потом отвернулся.

— Технологии, сказал он. Не вопрос, направление.

— Трофейный флот захвачен. Семь кораблей и орбитальная база. Но освоено частично: основные системы управления работают под наблюдением, навигация через переводчики протоколов. Оружейные системы примерно на треть. Пропульсия полностью наша. Петров помолчал. — Инженерный корпус говорит: ещё пять лет минимум, чтобы перейти от эксплуатации к пониманию.

— Хорошо.

Это было не «хорошо» в смысле одобрения. Это было «понял, следующий вопрос».

Марат прошёл к центральному терминалу. Сел на край стола, скрестил руки.

— Продовольствие.

Петров открыл планшет. Не потому что не знал ответа, Марат это видел по тому, как пауза была секундной, а не живой. Просто привычка подтверждать цифру перед тем, как произнести вслух.

— Восемь месяцев при нынешнем уровне распределения. С учётом потерь при транспортировке, реально семь с половиной.

Марат молчал секунду. Ровно секунду.

— Значит, у нас семь, сказал он.

Петров кивнул без удивления. Он понял правильно: семь не расчётная цифра, а рабочая. Запас на непредвиденное уже включён в это число как то, что будет съедено раньше, чем рассчитывалось.

— Что по сельскохозяйственным зонам?

— Северная Евразия держит. Канада держит. Аргентина частично. Южноафриканский кластер восстанавливается быстрее, чем прогнозировали, там выжило больше агрономов, странная удача. Петров помолчал ещё. — Но транспортная сеть между зонами в критическом состоянии. Еда есть. Её невозможно везти туда, где она нужна, в нужных объёмах.

Марат посмотрел на карту снова. Красные точки на Восточной Азии пульсировали не по настоящему, просто эффект обновления данных, раз в пять секунд. Но выглядело как пульс.

— Военные транспорты, сказал он. — Все, которые можно перевести в гражданский режим, переводим. Сейчас.

— Есть возражения от оперативного отдела. Зачистки в трёх зонах ещё не завершены.

— Мне известно. Он не повысил голоса. — Зачистки продолжают те, кто нужен для зачисток. Транспортники не нужны для зачисток. Переводим.

Петров записал. Без комментариев. Марат смотрел на цифру в голове, ту самую, с первой страницы закрытой папки. Два числа, разрыв между ними. Пять миллиардов триста сорок

миллионов человек. Он не даст умереть ещё одному от голода. Это было решение, принятое не сейчас, раньше, ещё в октябре, когда он читал акт передачи в третий раз. Просто сейчас оно стало рабочим.

В командном центре было холодно. Дыхание не оседало паром, почти, едва заметно на выдохе если смотреть против света. Отопление работало на треть мощности: экономия, вошедшая в привычку за годы войны и не отменённая в первые дни мира.

Марат взял папку со стола.

— Брифинг через два часа, сказал он. — Все советники, полный состав.

— Слушаюсь.

— И принесите мне записи предшественников. Всех. Личные тоже, если есть.

Петров чуть помедлил, Марат это заметил, коротко, в долю секунды и кивнул.

— Всё будет готово.

* * *

Зал брифингов был меньше, чем Марат ожидал. Не зал, комната, вытянутая, с низким потолком и рядом экранов вдоль одной стены, треть которых сейчас не работала. Стол на двенадцать мест, стулья разных моделей, собирали что было, когда командный центр переносили на восток ещё в сорок третьем. Никто потом не подбирал под один стиль.

Советники расселись без церемоний. Пятеро, у каждого папка или планшет, у кого-то и то и другое. Привычка войны, дублировать носители.

Марат занял место во главе стола, не садясь.

— Начнём, сказал он. — Инфраструктура.

Советник по инфраструктуре, женщина лет пятидесяти с обожжённым правым запястьем, выступающим из манжеты форменного кителя, открыла папку.

— Энергосеть восстановлена на тридцать четыре процента от довоенного уровня. В Европе и Юго-Восточной Азии фактически начинаем заново. Там не осталось инфраструктуры, которую можно восстанавливать. Только строить.

Марат кивнул. Сел.

— Трофейные генераторы?

— Работают. Она помолчала ровно столько, сколько нужно, чтобы это слово прозвучало без энтузиазма. — Четырнадцать единиц в эксплуатации. Три вышли из строя за последние четыре месяца без видимой причины. Диагностические протоколы чужих нам не ясны полностью. Наши инженеры работают по принципу, если светится и не взрывается, значит, функционирует. Это не методология, Правительство. Это угадывание.

Кто-то за столом чуть сдвинулся. Марат заметил.

— Что нужно, чтобы превратить угадывание в методологию?

— Специалисты по трофейным технологиям. Время. И, вероятно, ещё один выход из строя, чтобы зафиксировать данные в момент поломки.

— Специалистов получите. Время будет ограничено. Плановый выход из строя не опция. Он повернулся.

— Вооружённые силы.

Советник по армии был старше всех в комнате, с короткой седой бородой, которую не брил, видимо, с конца войны, она ещё не выровнялась, росла клочками там, где позволяла кожа. Его голос был ровным.

— Единое командование принято официально. На практике у нас три армии. Российская, китайская, американская и каждая со своими протоколами, своими приказными цепочками, своим языком команд. Он раскрыл папку, не глядя в неё. — Совместные операции в конце войны показали, что мы можем воевать рядом. Но воевать вместе это другое. На интеграцию в единую структуру уйдут годы. Реалистично, три-четыре года минимум при интенсивной работе.

— Сколько сейчас стоит под ружьём? уточнил Марат.

— Около девятисот тысяч активного состава, если считать три армии суммарно. Плюс нерегулярные формирования, которые ещё не разоружились и технически нам не подчиняются.

— Нерегулярные, это кто?

— Партизанские группы, которые воевали самостоятельно последние два года, когда фронт рассыпался. Некоторые, профессионалы. Пауза. — Часть из них была в подчинении у Сенатора. После её смерти, неясно у кого они в подчинении, и будут ли они вообще подчиняться кому-то, кроме неё.

Марат положил руку на стол.

— После брифинга список командиров этих групп. Всех, до кого можно дотянуться.

Советник записал.

— Трофейные технологии, сказал Марат.

Третий советник был молод относительно остальных, лет тридцать пять, очки с одним треснувшим стеклом, заклеенным с внутренней стороны полосой прозрачной ленты. Говорил быстро, чуть опережая мысль.

— Семь кораблей захвачены, орбитальная база в нашем распоряжении. Навигационные системы расшифрованы примерно на шестьдесят процентов, это хороший показатель, если учесть что два года назад мы не могли даже определить, где у них интерфейс. Двигатели запускаются и работают. Принцип же, нет. Мы управляем ими как автомобилем, у которого нет двигателя внутреннего сгорания, но есть руль. Работает и ладно.

— Аналогия понятная, сказал Марат.

— К сожалению, точная. Советник перевернул страницу и продолжил.

— Один из кораблей угнан двое суток назад с лунной базы. Предположительно одним человеком. Перехватчики были подняты, но курс корабля уходил к поясу Койпера, и мы не располагаем ресурсом для преследования на таком расстоянии.

Марат смотрел на советника. Ждал.

— Идентичность угонщика, предположительно установлена. Это... Советник помедлил. — Это воспитанник Сенатора.

В комнате стало тише, чем должно было быть. Марат ничего не сказал. Он уже знал. Петров доложил ему в первые полчаса после назначения. Но он хотел услышать, как это звучит в зале, в окружении советников и каким голосом они произносят это, есть ли в голосе осуждение или понимание.

Понимание было, осуждения не было. Это говорило кое-что о людях за этим столом.

— Продолжайте, сказал Марат.

— Ничего, что можно было предотвратить. Корабль числился приписанным к лунной базе, находился в эксплуатационном режиме. С точки зрения систем, никаких нарушений до момента старта.

— Поиски прекратить, сказал Марат. — Приказ по флоту: наблюдение, не преследование. Если выйдет на связь, докладывать мне лично.

Советник снова записал. Марат повернулся к четвёртому.

— Единое государство.

Советник по административной интеграции был, пожалуй, самым усталым человеком в комнате, не от недосыпа а от другого рода усталости, которая накапливается от работы с бумагами, когда понимаешь, что бумаги не соответствуют реальности.

— Юридическая база принята двадцатого августа восемьдесят девятого. Конституция, флаг, единое гражданство. Он закрыл папку.

— На практике, регионы управляются военными комендантами. У каждого коменданта своя прежняя командная цепочка. Российские коменданты докладывают в Москву, китайские

в Пекин, американские в Вашингтон. На меня и на вас никто из них не докладывает. Мы существуем на бумаге.

— Сколько комендантских зон?

— Двести восемнадцать.

— Из них сколько готовы к переходу в единое подчинение?

Пауза.

— Около тридцати. Преимущественно те, где военный комендант сам этого хочет и понимает, зачем.

— Начинаем с тридцати.

Марат встал. Советники подтянулись.

— Приоритет первый, еда. Второй это энергия. Третий, единая цепочка приказов. Всё остальное, потом.

Он видел, как они переглянулись. Ждали другого порядка, технологии, армия, государство. Логика военных людей: сначала то, что держит в руках оружие. Но оружие не нужно мёртвым. А умирали сейчас от голода, не от Варанов.

— У кого есть возражения, слушаю сейчас.

Никто не произнёс ни слова. Не потому что боялись. Потому что порядок был правильный, и они это знали, просто привыкли думать иначе.

— Тогда расходимся. Через сорок минут план по транспортным коридорам для продовольствия. Советник по инфраструктуре, запрос на специалистов по трофейным генераторам ко мне на стол к вечеру.

Советники поднялись, зашуршали папками. Кто-то уже говорил вполголоса с коллегой, на ходу. Привычная рабочая волна — конец брифинга, начало работы.

Марат остался стоять у стола, пока комната не опустела. На экранах вдоль стены светились карты, транспортные узлы, красные зоны, синие линии маршрутов. Треть экранов не работала. Треть мира тоже.

Он попросил принести записи предшественников. Петров сказал: всё будет готово.

Марат подождёт.

* * *

Архив привезли в двух деревянных ящиках, армейских, с металлическими уголками. Солдат поставил их у стола, отдал честь и вышел, не сказав ни слова. Марат постоял над ящиками, не открывая. За окном темнело, октябрьский вечер падал быстро, почти без сумерек. Отопление в кабинете работало вполсилы, и дыхание чуть туманилось, если смотреть под определённым углом к лампе.

Он открыл первый ящик.

Папки Радомира лежали плотно, корешок к корешку, пронумерованные карандашом. Первый правитель любил порядок в бумагах, это чувствовалось даже сейчас, через года. Папки одинакового размера, одинакового цвета. Никаких случайных листов. Марат достал первую.

Протоколы заседаний. Решения о коалиционном командовании. Распределение ресурсов между Россией, США и Китаем в первые полгода бесконечные согласования, цифры, имена, проценты. Язык военно-бюрократический, плоский, точный. Радомир писал так, будто сам становился частью документа. Никакого «я»: только «принято решение», «согласовано», «направлено на исполнение».

Марат листал быстро. Это была история, которую он изучил ещё до назначения. Логика первых лет войны, судорожная, и вынужденная, поразительно эффективная при всей своей неуклюжести. Радомир удерживал три гегемона за одним столом, когда каждый из них привык быть первым. Это требовало не силы, требовало терпения такого рода, которое выглядит со стороны как слабость.

Он умер от инфаркта прямо на заседании. Упал вперёд на свои бумаги. Говорят, никто сразу не понял что произошло, думали, задремал от усталости.

Марат закрыл последнюю папку Радомира и взял первую папку Ингвара.

Здесь всё было иначе.

Записи второго правителя становились короче к концу не потому что меньше происходило, а потому что Ингвар будто терял нить. Первые два года, развёрнутые аналитические заметки, острые, иногда желчные, с полями, исписанными поперёк. Потом пометки стали реже, потом только обрывки. Много зачёркнутого. Целые абзацы, вычеркнутые настолько плотно, что бумага продавливалась.

Марат не пытался разобрать зачёркнутое. Понимал, что это личное, не информация, а другое. То, что человек зачёркивает, он зачёркивает не для следующего читателя, а для себя.

Последняя запись, двенадцатое декабря девяностого года, обрывалась на середине фразы.

Если мы не можем объяснить детям, зачем это всё, значит...

И всё. Дальше пустая страница. Чистая, как лист без истории.

Дата совпадала с днём гибели. Безумец с кухонным ножом, из тех, кого война ломает иначе, не убивает сразу а выгрызает что-то внутри, оставляя оболочку, которая ещё ходит и говорит, но уже не знает, зачем. Охрана опоздала.

Марат закрыл папку и положил её на место, сидел неподвижно какое-то время. Не думал ни о чём конкретном. Просто давал этому осесть.

Потом посмотрел в ящик. На дне, под всеми папками, лежал конверт. Плотный, из коричневой бумаги, той крафтовой, которую перестали производить уже давно. Запечатан. На лицевой стороне несколько строк разными почерками. Марат наклонился.

Рука Радомира, он узнал по почерку из папок, прямые буквы с лёгким наклоном вправо: Дневники О.В. передать третьему правителю. Лично.

Ниже, другим почерком Ингвар, торопливее, с нажимом: Не копировать.

И чуть в стороне, совсем мелко, как будто добавленное после, тем же почерком Ингвара: Я читал. Простите.

Марат взял конверт, взвесил на руке, тяжелее, чем ожидал, повернул. На обратной стороне ничего. Он вскрыл конверт аккуратно, по верхнему краю. Внутри оказались несколько тетрадей в клетку, советского ещё вида, с бумажными обложками. И сверху отдельный лист, сложенный вдвое, Марат развернул его.

"Если ты это читаешь, значит, мы справились. Или справились достаточно, чтобы ты вообще существовал в этой роли. Это не официальные записи. Официальные в штабных архивах. Это другое. Читай внимательно. Там есть части, которые ты не поймёшь сразу. Некоторые из них намеренно. Некоторые я сама перестала понимать к концу войны. Это нормально."

И подпись из двух букв - О.В.

Марат сложил лист обратно, положил его поверх тетрадей. Посмотрел на конверт, на два почерка Радомира и Ингвара, и на короткое «Я читал. Простите».

За окном окончательно стемнело. Лампа на столе держала маленький круг света, и архивные ящики стояли чуть в тени, едва различимые. Марат не стал открывать тетради сразу. Убрал их в конверт, конверт положил отдельно от остальных папок, в сторону. Потом встал, подошёл к окну, стоял и смотрел на тёмный двор, там горел один фонарь из трёх, и под ним что-то блестело, не то лёд, не то лужа.

Записи двух мёртвых правителей. Один умер за своими бумагами, второй не успел дописать фразу. И конверт с дневниками женщины, которой уже нет несколько лет, и которую оба они считали достаточно важной, чтобы написать «лично» и «не копировать».

Он вернулся к столу, придвинув конверт к себе. Сегодня ночью он прочтёт.

* * *

Первая тетрадь открылась легко, корешок уже разработан, кто-то листал её не один раз. Ингвар. Марат вспомнил приписку и убрал эту мысль в сторону.

Почерк у Ольги оказался неожиданным. Мелкий, но разборчивый, буквы прямые, без наклона, почти без связок, каждая отдельно, как в инструкции по технике безопасности. Марат читал её официальные доклады, там был тот же синтаксис, та же привычка к точному слову и отказ от союзов там, где обходились без них.

"14 марта 2031. Четыре Богомола в секторе Е-7. Один ушёл под плиту — нас было двое, второй заходил справа. Кислота через сапог, второй слой держит. Нужна новая пропитка. Напомнить Алексееву."

"21 марта. Кислота через второй слой у Рыкова. Алексееву отдельно."

"3 апреля. Вараны не добивают раненых, если те не движутся. Проверено трижды. Работает пока не поймут. Использовать."

Марат читал медленно, хотя текст шёл ровно. Не потому что не понимал, потому что за каждой заметкой стояло что-то, что не требовало пояснений и именно поэтому давило. Никакого «нам было страшно». Никакого «к сожалению, Рыков». Только: кислота, второй слой, напомнить.

Он долистал до середины тетради, здесь что-то изменилось.

Сначала он решил, что страница попросту смята или испорчена, переключился, потёр глаза. Но нет, текст продолжался, почерк тот же, но часть символов была другой. Не кириллица и не латиница. Марат знал варанский алфавит в объёме, необходимом для работы с трофейными терминалами, не это. Знал технический код йекубианских интерфейсов не это. Богомолы не использовали письменность в том смысле, в каком люди понимали это слово.

Это было что-то ещё. Он взял карандаш со стола, придвинул лист бумаги и начал копировать символы, методично, знак за знаком. Часть походила на стенографические системы, которые он видел в архивах двадцатого века. Но только часть. Остальные нет. Они были угловатее и вместе с тем плавнее, как если бы кто-то изобрёл письмо, думая иначе, чем люди думают о письме.

Марат перевернул страницу. Там был нормальный абзац по-русски о переговорах с китайским командованием, коротко и конкретно. Потом ещё один. Потом запись обрывалась на полуслове «...но если они выйдут на восточный коридор раньше, чем мы» и дальше шёл шифр.

Он листал дальше, уже быстрее, и понял закономерность. Зашифрованные фрагменты появлялись не случайно. Обычный текст, наблюдения, тактика, люди. Переход в шифр когда тема меняла природу. Что-то более важное. Или более личное. Или и то, и другое. Ольга переключалась, видимо, не всегда осознанно: начинала фразу по-русски и заканчивала её уже другими символами, как человек, переходящий на другой язык в середине мысли, когда первый перестаёт справляться.

Марат не понимал ни слова из зашифрованного. Он отложил карандаш. Посмотрел на скопированные символы. Их было около более сотни различных знаков, достаточно для алфавита, недостаточно, чтобы понять систему без ключа.

Третья тетрадь открылась сразу на закладке узкой полоске бумаги, явно оторванной от чего-то другого. Марат не помнил, сам ли он её вставил. Нет, она была там до него. Страница была почти целиком на шифре. Плотный текст, без полей, без абзацев, как будто Ольга писала быстро, не останавливаясь, или боялась остановиться. Буквы чуть крупнее обычного, нажим сильнее, и это было видно по продавленности бумаги.

Марат не мог прочитать ни строчки. Он вёл взглядом по строкам сверху вниз, как читают незнакомый текст в надежде зацепиться хоть за что-то знакомое. Ничего. И только в самом конце страницы, после последнего символа, пустая строка, отступ, и по-русски, крупнее обычного, сильным нажимом, почти в два раза крупнее остального текста:

"Они ждут."

Марат остановился. Два слова, без точки, он смотрел на них. Лампа давала ровный жёлтый свет, и тетрадь лежала под этим светом неподвижно, и два слова никуда не исчезали.

Кто ждёт? Он думал об этом не торопясь, потому что спешить было некуда, час ночи, за окном тот же одинокий фонарь, и никто не постучится до утра. Можно было решить, что это метафора: что кто-то ждёт решения, ждёт действия, ждёт, пока люди разберутся с тем, что с ними сделала эта война. Но Ольга не писала метафорами. Он видел это по первым страницам достаточно ясно, она писала буквально, и когда хотела сказать «ждут», она имела в виду именно «ждут».

Потом, кого? Или чего? «Они ждут» в конце страницы, которую нельзя прочитать. И Ингвар, написавший «Я читал. Простите» что именно он читал? Этот шифр? Или что-то ещё, что его заставило написать именно так, не «извините», не ничего, а «простите»?

Марат закрыл тетрадь. Он сидел неподвижно несколько секунд. Не потому что устал, потому что нужно было признать вещи в определённом порядке, прежде чем двигаться дальше. Ольга Владимировна оставила дневники, предназначенные правителям Земли. Часть этих дневников зашифрована системой, которую он не опознаёт. В конце одной из страниц, два слова открытым текстом, будто намеренно вставленных туда, чтобы их прочитали.

Он мог бы решить, что «они ждут» это след в документах о чём-то важном. Что она писала об одном и том же. Что это всё связано. Но не знал. Не мог знать пока не прочитал то, что перед этими словами.

Марат взял телефон. Посмотрел на время 01:17. Подождал, пока совесть скажет что-нибудь против. Она промолчала.

Нажал вызов.

* * *

Екатерина пришла через двадцать минут. Марат не слышал шагов в коридоре, она всегда ходила тихо, это было её манерой, а не осторожностью. Дверь открылась без стука, он сам попросил так, когда позвонил, и она вошла уже одетая, причёсанная, без всяких следов разбуженного человека. Либо не спала, либо умела не показывать. Она остановилась на пороге на секунду, взгляд прошёлся по комнате: стол с бумагами, лампа, тетради, он сам в том же кресле. Не сказала ничего. Прошла к столу и села напротив.

Марат не объяснял. Просто открыл тетрадь, ту, плотную, с тёмной обложкой и положил перед ней раскрытой на той странице. На зашифрованной.

Екатерина посмотрела. Она не взяла тетрадь в руки, только наклонилась немного, как человек, который хочет рассмотреть, не трогая. Потом всё-таки взяла. Медленно провела пальцем вдоль первой строки не касаясь текста, чуть выше. Перевернула страницу назад, посмотрела на обычные записи. Вернулась к шифру. Перелистнула дальше, там шло ещё несколько страниц такого же.

Молчала долго. Марат ждал.

— Стенография? наконец сказала она, не поднимая взгляда.

— Я проверял. Не совпадает ни с одной из известных систем.

Она кивнула, как будто уже знала этот ответ. Снова склонилась над страницей теперь ближе, почти вплотную. Что-то бормотала себе под нос, едва слышно, перебирая варианты. Марат разобрал «транслитерация», потом «числа» она видимо, проверяла глазами, возможно ли считать символы как цифры. Покачала головой.

— Это не алфавит, который я знаю, сказала она наконец и отложила тетрадь. — Часть символов похожа на кириллицу, но только похожа. Здесь есть знаки, которых я не видела нигде.

— Я тоже.

Пауза.

— Чьё это?

Марат ответил без паузы:

— Дневники Ольги Владимировны. Переданы лично ещё первому правителю, а от того ко второму а после - мне. Без копий.

Екатерина не произнесла ни слова секунды три. Потом снова посмотрела на тетрадь уже иначе, как будто предмет на столе изменился, не сдвинувшись с места.

— Она была лингвистом? спросила она.

— Нет, вроде как.

Ещё пауза. Совсем короткая.

— Тогда она либо изобрела это сама, либо кто-то её научил. Или нашла где-то. Записала то, что увидела, медленно сказала Екатерина

Марат ничего не ответил. Все три варианта были возможны, и ни один не был лучше другого.

Он взял тетрадь, перелистнул к той странице в конце, плотный шифр без полей, без абзацев, как монолит, и перевернул, чтобы показать последние строки. Отступ. И по-русски, крупнее обычного:

"Они ждут."

Екатерина прочитала. Взгляд остановился.

— Это она написала.

— Да.

— В конце шифра.

— Да.

Она не спрашивала, скорее произносила вслух, чтобы зафиксировать. Потом он рассказал про угнанный трофейный корабль, то, что Михаил исчез. Екатерина слушала не перебивая. Её лицо не изменилось, она умела слушать так, что казалось, будто слова просто аккуратно укладываются куда надо. Но взгляд всё-таки стал другим. Чуть плотнее, что ли.

Когда он закончил, она некоторое время молчала.

— Значит, она знала, сказала Екатерина наконец. — Или предполагала. Достаточно, чтобы зашифровать.

— И оставить так, чтобы нельзя было не заметить.

— «Они ждут» намеренно открытым текстом. Чтобы мы понял, что искать. Она посмотрела на него. — Ты хочешь собрать группу.

Это тоже была не вопрос.

— Трое, может, четверо, сказал Марат. — Лингвист. Криптограф. Кто-то, кто работал с языками чужих, не с нашими переводами, а с исходными структурами. Он помолчал. — Без официального статуса. Без записи в реестре.

Екатерина кивнула.

— Доступ к тетрадям?

— Только здесь. Только в присутствии кого-то из нас двоих. Он посмотрел на неё. — Никаких копий, никаких цифровых версий. Только работа с оригиналом.

— Это замедлит процесс.

— Знаю.

Она снова посмотрела на тетрадь, не на страницу с шифром, а просто на обложку. Темная, потёртая, с отпечатком пальцев на нижнем углу, чьих именно, сказать было нельзя.

— Хорошо, сказала она. — Я подберу кандидатуры к утру. Ты просмотришь.

Она встала. Марат не вставал, просто кивнул. Она взяла своё, убрала стул точно так же, как нашла. У двери остановилась.

— Марат.

Он поднял взгляд.

— Ингвар знал об этом шифре?

— Он оставил приписку в папке с дневниками. «Я читал. Простите».

Екатерина помолчала совсем немного.

— Значит, пытался, сказала она.

Марат не ответил. Она вышла, и дверь закрылась тихо, без щелчка.

Он остался один. Тетради лежали на столе, три штуки, в одну стопку. Лампа давала тот же ровный жёлтый свет, и за окном всё так же горел одинокий фонарь над разбитой мостовой. Марат не сразу убрал взгляд от двери. Потом перевёл на тетради.

"Они ждут."

Ольга Владимировна писала буквально. Это он понял уже по первым страницам. Если она написала «ждут» она имела в виду именно это. Кто-то или что-то находилось где-то и ждало. И она знала об этом достаточно, чтобы зашифровать всё вокруг, и достаточно, чтобы оставить эти два слова на виду как ориентир, как маяк, как предупреждение.

Он закрыл тетрадь. Завтра начнётся остальное, брифинги, советники, цифры потерь, разрушенная инфраструктура, три миллиарда людей, которым нужно что-то есть и где-то жить. Всё это было реальным и неотложным и требовало его целиком.

Но сначала... Они ждут.

Он убрал тетради в ящик стола, закрыл его на ключ и погасил лампу.

* * *

Тетрадь была новой, корешок не тронут, страницы ровные, без загибов. Марат купил её три недели назад, до назначения, когда ещё думал, что она будет для чего-то другого. Для чего уже не вспомнить.

Он положил её перед собой, открыл на первой странице и взял ручку.

Не протокол. Не приказ. Просто список того, что он успел понять за день. То, что нужно держать перед глазами, а не в файле, к которому имеют доступ двадцать три человека.

Писал медленно, без спешки. Рука привыкала к новому пространству листа.

1. Население: - Чуть больше 2,9 млрд. Из 8,25 млрд на начало войны. Сорок минут на понимание этой цифры. Нужно больше.

2. Инфраструктура. 63,4% — частично или полностью разрушено. Энергосети лоскутные. Транспортные узлы: семь из девятнадцати функциональны. Связь: нестабильна за пределами трёх основных коридоров.

3. Трофейный флот и орбитальная база. Захвачено, частично освоено. Инженеры на базе, сто двенадцать человек, из которых понимают что делают, предположительно тридцать. Остальные учатся. Это медленно.

4. Единое государство. Существует на бумаге. В действительности, три командования с разными приоритетами, семь региональных администраций с самостоятельной логикой, армия, которая до сих пор думает ещё довоенными и частично военными категориями. Из этого нужно сделать что-то реальное.

5. Вакцина. Стабилизирована, производство развёртывается. Через сколько лет охватит всех, вопрос открытый. Ингвар ставил на восемнадцать. Советники говорят двадцать два. Я ни одной цифре не верю.

6. Ингвар. Оставил тридцать восемь папок с пометками, одиннадцать незавершённых решений, две личные записки мне и обе по существу, без лишнего. Хорошая передача дел. Я должен это помнить.

Марат остановился.

Седьмой пункт не писался сам, он лежал в голове отдельно от остального, не встраивался в один ряд с цифрами и логистикой. Но именно потому его и нужно было написать.

7. Дневники О.В. Шифр. Они ждут. Кто и Чего? Михаил и Угнанный корабль. Связь?

Последнее слово он написал с вопросительным знаком, хотя внутри никакого вопроса не было, было предчувствие, что связь есть, просто её пока не видно. Потом провёл под пунктом черту, не одну, а две. Нажал чуть сильнее, чем следовало. Карандаш бы сломался.

Он закрыл тетрадь. Встал, не торопясь, кресло отъехало с тихим скрипом, и подошёл к окну.

Москва в час ночи выглядела как черновик себя. Часть домов напротив стояла восстановленной, видно было по свежей кладке на углах, по тому, как ровно лежат оконные рамы. Часть нет: два здания через квартал стояли с выбитыми стёклами и тёмными провалами там, где должны быть лестничные марши. На одном фасаде широкий след оплавления, светлее, чем остальная штукатурка, полукруглый, как будто кто-то приложил к стене раскалённое блюдо диаметром метров пять. Марат видел такие следы достаточно, чтобы знать: это плазменный выброс с рассеивателем. Дистанционный. Не целились в здание, просто накрыло.

Внизу горело несколько фонарей. Не все через один, в произвольном порядке, потому что сеть ещё не восстановлена полностью и дежурные техники затыкают дыры по мере сил. По улице шла женщина с собакой. Собака шла у ноги не на поводке, просто рядом, след в след, как будто знала, что уходить нельзя. Женщина смотрела под ноги, обходя что-то, выбоину или осколок, не видно отсюда.

Меньше трёх миллиардов людей...

Марат смотрел на неё, на эту женщину с собакой в час ночи и думал о том, что эти выжившие миллиарды, это не абстракция. Это она. И ещё кто-то, кто не спит сейчас по другую сторону города, и кто-то в Новосибирске, где электричество есть через день, и кто-то в Найроби, где инфраструктура держится на двух инженерах и запасных частях с трофейного склада. Все они конкретные. Все они ждут чего-то от него, не лично от него, а от того, кем он теперь является.

Он думал об Ольге. Не как думают о легендах с дистанцией, с фигурой речи, с осторожным уважением, которое на самом деле означает «я не знаю, что с этим делать». Он думал о человеке, который сидел в этом кабинете, может быть, в этом же кресле и писал в тетради. Который видел из этого окна что-то похожее: ту же разбитую мостовую, другие огни, такое же молчание после войны, в котором ещё слишком много войны.

Она зашифровала что-то настолько важное, что не доверила ни одному живому языку. Это значило: она знала, что её прочитают. Что прочитают именно в этом кабинете, именно в тетради. Значило, что она предполагала преемника, который будет достаточно внимателен, чтобы заметить, и достаточно осторожен, чтобы не разворошить это публично.

Марат не был уверен, что соответствует этому расчёту. Но заметил, это факт.

И Михаил. Мальчик, ставший её личным учеником и Сыном, которого она воспитала. Теперь не мальчик, ветеран войны с огромным опытом и умениями, которые вложила в него Ольга, человек с историей, которую Марат знал по документам и которую документы, очевидно не вмещали. Угнал трофейный корабль после её смерти, почти сразу. Как будто знал, куда лететь. Как будто давно знал или что-то узнал после её смерти.

Они ждут.

Марат не был человеком, склонным к мистике. Он был инженером по образованию и администратором больше, война дала и другое. Он привык к тому, что всё имеет объяснение, нужно только найти правильный масштаб, в котором это объяснение видно. Иногда масштаб был неудобным. Иногда объяснение было хуже, чем его отсутствие.

Но это это было чем-то другим. Это было ощущением, что он вошёл в комнату в середине разговора и ещё не понял, о чём говорят, но уже точно знает, что речь идёт о чём-то важном. О чём-то, что началось задолго до него и не закончится с ним.

Женщина с собакой завернула за угол и пропала из виду.

Марат постоял ещё немного у окна. Потом вернулся к столу. Своя тетрадь лежала там, где он её оставил, закрытая, корешок чуть приподнят. Рядом, в стопке, три тетради Ольги. Тёмные обложки, потёртые края, отпечаток пальца на нижнем углу крайней, он заметил его ещё при первом осмотре и с тех пор старался не смотреть. Не потому что боялся. Просто некоторые детали не нужно превращать в символ, они достаточно весомы сами по себе.

Он сел. Положил правую руку на стопку тетрадей не давя, просто коснувшись. Как касаются стены старого дома, в котором много жили до тебя.

Первый день закончен. Это был неправильный способ думать о нём «первый день». Как будто следующий будет лучше освоен, как будто есть кривая обучения с обозримым концом. На самом деле следующий день будет другим, не лучше и не хуже, просто другим, и нужно будет снова брать то, что есть, и делать с этим что-то.

2,9 миллиарда человек. Разрушенная инфраструктура. Единое государство на бумаге. Тетради с шифром и двумя словами открытым текстом.

Завтра начнётся работа. Марат убрал руку с тетрадей, погасил лампу и некоторое время сидел в темноте, слушая, как за окном где-то далеко в другом квартале, в другом восстановленном или не восстановленном куске города, работает генератор. Ровный низкий гул. Кто-то не спит. Кто-то держит свет.

Потом он встал и вышел.

Глава 4. Полтора месяца в пустоте

Он проснулся, когда рука соскользнула с поручня. Не резко а плавно, как соскальзывает что-то во сне. Пальцы разжались, и тело качнуло в сторону тактильной панели, правое плечо коснулось края, и этого хватило, чтобы сознание включилось. Несколько секунд он просто лежал в воздухе горизонтально, в полуметре от пола, и смотрел в потолок, не понимая, какой из двух серых блоков перед глазами потолок, а какой пол.

Потом логика взяла своё. Поручень слева. Значит, слева стена, развёрнут неправильно. Михаил подтянулся к поручню, зафиксировался, подождал, пока вестибулярный аппарат договорится с глазами. Шестой день. Тело начинало привыкать к тому, что «вниз» это условность. Голова ещё не приняла.

За иллюминатором было черно. Не так черно, как бывает ночью, без теней, и намёка на источник, из которого темнота произошла. Просто отсутствие, Земля давно исчезла в пустоте. Солнце стало одной из точек, яркой, но лишь одной из многих.

Он оттолкнулся от стены и переместился к навигационному столу. Автопилот держал курс. Михаил открыл журнал, тонкая тетрадь в клетку, взятая с лунной базы, последняя страница исписана колонками цифр и сравнил утренний вектор с тем, что вводил сам позавчера. Расхождение было. Небольшое, на два градуса по склонению, поправка на траекторию, которую он не учёл. Корабль учёл сам. Он записал отклонение в столбец, поставил рядом пометку «А3» третья автоматическая поправка и закрыл журнал.

Михаил открыл флешку. Три папки. Он уже знал их по иконкам, порядку, и по тому, сколько времени занимает каждая. Первая: координаты. Не точка, а область, угол пояса Койпера, примерно сорок астрономических единиц от Солнца. Искать что-то конкретное в этом, как искать конкретную хвоинку в лесу, зная только, что лес хвойный. Вторая: таблица соответствий. Частичная. Ольга собирала её по захваченным фрагментам варанской документации, по переведённым техническим инструкциям, по тому, что удавалось выжать из пленных и всё равно таблица была неполной. Около трети символов оставались без аналога.

Третья папка. Три секунды. Открывать не стал..

Михаил закрыл флешку и убрал в нагрудный карман. Тактильная карта занимала весь центральный стол, матовая поверхность размером примерно метр на полтора, усеянная точками разной глубины. Варанский интерфейс строился не на визуальном, а на тактильном принципе: глубина точки кодировала расстояние, угол наклона от вертикали, направление, плотность и что-то ещё, что он пока не понял. Не цвет, не яркость а пространство через пальцы. Логика была чужой, но в ней присутствовала система. Это важно: система означает, что её можно выучить.

Он прижал ладонь к карте. Поверхность отозвалась едва уловимым теплом, корабль признавал касание и точки слегка изменили конфигурацию, перестраиваясь под зарегистрированный контакт. Михаил закрыл глаза. Нашёл самую глубокую точку где-то около двадцати градусов от центра, сторона, которую он условно называл «носом». Солнце, вероятно. Или самый близкий ориентир.

Он открыл блокнот, уже второй, первый закончился на четвёртый день и записал: «Глубокая точка, $\sim 20^\circ$ от центра, «нос» стола совпадает с векторной осью автопилота. Рабочая гипотеза: глубина = расстояние в логарифмической шкале, единица пока неизвестна».

Потом нашёл более мелкую точку, наклонённую под тупым углом. Записал расположение. Потом ещё одну. Потом начал искать закономерность между наклоном и вектором автопилота. Это не было быстрым процессом. Это не было процессом с видимым концом. Но каждая зафиксированная пара, точка плюс вектор, сужала пространство незнания на чуть-чуть. На долю процента. Этого было достаточно, чтобы продолжать.

Примерно через два часа он откинулся от стола. Спина тянула, невесомость делала постральные мышцы ленивыми быстрее, чем он рассчитывал. Он сделал несколько движений вдоль поручней, просто чтобы разогнать кровь, потом открыл один из боковых контейнеров.

Брикет был примерно пятнадцать сантиметров в длину, завёрнут в плотную серую плёнку. Михаил разорвал плёнку и понюхал, запах был тяжёлый, и почти животный, что-то среднее между вяленным мясом и смазочным материалом. Не токсичный: он проверял по таблице биохимической совместимости, которую инженеры составили по трофейным образцам ещё в сорок пятом. Варанские пайки были калорийными, содержали аминокислоты, совместимые с человеческим метаболизмом, и были абсолютно несъедобны в человеческом понимании этого слова. Никакой разницы. Тело нуждалось в топливе.

Он откусил угол. Текстура походила на прессованный жир с каким-то белковым наполнителем, плотный, почти без влаги. Жевать приходилось долго. Михаил жевал методично, глядя в иллюминатор, и думал о таблице соответствий. О том, что три символа из второго столбца, возможно, не обозначения объектов, а модификаторы меняют значение соседнего символа, а не несут самостоятельный смысл. Если это так, треть незакрытых позиций в таблице Ольги решается иначе.

Он дожевал брикет, запил двумя глотками воды из контейнера, открыл журнал на последней странице и написал в нижней строке: «День 6».

За иллюминатором ничего не изменилось. Темнота была той же, что час назад, что вчера, что, по всей видимости, будет завтра. Солнце уменьшилось ещё немного, и он не мог бы сказать это с уверенностью на глаз, но знал по цифрам. Корабль двигался. Таблица медленно заполнялась. Область в поясе Койпера ждала, он не думал об этом словами, просто знал, как знают о стене за поворотом: не видишь, но она там.

Он снова прижал ладонь к тактильной карте, нашёл знакомую глубокую точку и начал считать угол от её оси до следующего объекта.

* * *

К седьмому дню левое плечо начало ныть по-настоящему. Не остро, а тупая методичная боль, которая появлялась через час после того, как он просыпался, и не уходила до ночи. В страховочном мешке, притяннутом к переборке в кормовом отсеке, температура держалась около четырнадцати градусов, корабль экономил тепловую мощность сам по себе, по какой-то варанской логике, которую Михаил ещё не понял до конца. Он поднял температуру вручную на два градуса, нашёл нужный сенсор с третьего раза. Боль отступила до фонового шума, не исчезла, просто перестала требовать внимания. Этого хватало.

Спал он четыре-пять часов, иногда меньше. Просыпался в темноте, несколько секунд не понимал, где верх. Потом ориентировался по тянущему ощущению в ремнях, мешок чуть косил вправо из-за крепления и начинал день. Ел брикет, пил воду, и отправлялся до навигационного отсека.

Журнал к этому времени насчитывал восемь записей. Все примерно одинаковые: число, наблюдение, следующий шаг. Никакого лишнего, таблица соответствий не давалась легко.

Сорок семь символов из предположительно ста двенадцати, столько он закрыл за неделю. Остальные плавали в незаконченных гипотезах, стрелках, зачёркнутых версиях. Ольга в своё время дошла, судя по пометкам, примерно до тридцати девяти, методом чистого сравнения, и без знания контекста. Он шёл тем же путём, но видел кое-что, чего она, вероятно, не могла видеть на Земле: живой интерфейс в работе.

Три символа из второго столбца таблицы не вели себя как обозначения. Они появлялись всегда рядом с другими символами, никогда самостоятельно, и соседние символы меняли смысл в зависимости от их присутствия. Не координатные метки. Модификаторы.

Он проверил гипотезу на Земле и Луне, единственных точках, для которых у него были независимые данные. Взял записанные векторы автопилота при старте, наложил на символы-

ные последовательности интерфейса. Если убрать модификаторы как отдельный слой, паттерн менялся. Становился чище. Совпадение вышло в пределах малой погрешности, той, которую он мог списать на собственную неточность при записи.

Варанская навигация работала не с координатами в человеческом смысле. Она работала с гравитационными градиентами, с тем, как масса тела искривляет пространство вокруг себя. Земля была не точкой в системе с центром в Солнце. Земля была узором напряжений. Луна уже другим узором. Солнечная система в этой карте выглядела как паутина взаимных натяжений, а не как набор координат.

Михаил записал вывод в журнале коротко и закрыл его. Потом взял обломок варанского крепежа.

Второй запёртый отсек находился в конце правого коридора дальше первого, ближе к корме. Замок был того же типа, механический, не электронный, рассчитанный на пальцы, у которых больше двух суставов. Михаил потратил около двадцати минут. Крепёж соскользнул дважды, оставив свежую ссадину на ладони. На третий раз язычок сдвинулся.

Внутри не было темноты, тусклые аварийные полосы вдоль потолка включились автоматически, когда дверь подалась. Жёлто-оранжевый свет, неприятный для глаз, но достаточный.

Отсек был небольшим и меньше первого, вдоль трёх стен шли стеллажи, на стеллажах стояли контейнеры. Михаил остановился в дверном проёме и смотрел около десяти секунд, не двигаясь. Материал контейнеров он не мог идентифицировать с уверенностью: что-то между хитином и прессованной смолой, матовое, почти живое на вид, поверхность слабо поглощала свет, не отражала. Запаяны плотно, швы еле различимы, и ничего похожего на ручки, как и никаких явно видимых механизмов открытия.

Он вошёл и начал считать. Двадцать семь единиц, три горизонтальных ряда, неравномерно. Размеры различались, самые маленькие с коробку для обуви, самые крупные примерно по грудь ему. Расположение не случайное, крупные ближе к полу, мелкие наверху, может быть, вес, или что-то другое. Он не вскрывал.

Фиксировал размеры на глаз, количество в каждом ряду, материал, запах. Запаха почти не было: слабый химический фон, похожий на озон, но холоднее. Он сделал заметки в журнале, который взял с собой, отступил на шаг и начал осматривать контейнеры по одному. На третьем слева, нижний ряд, он увидел маркировку.

Не варанский алфавит. Он потратил неделю на варанский и знал его достаточно, чтобы сказать точно: это не он. Не йекубианский, те символы он видел на трофейных терминалах, угловатые, с характерной асимметрией. Это было что-то третье. Девять символов, нанесённых аккуратно, явно инструментом, а не когтем: плавные линии, почти каллиграфические, с внутренней логикой, которую он не мог ухватить с первого взгляда.

Михаил сел на корточки перед контейнером и срисовывал долго, внимательно, несколько раз сверяясь с оригиналом. Рука чуть подрагивала, не от страха, а от холода, в отсеке было градусов десять, не больше. Он закончил, перечитал то, что вышло, сравнил ещё раз.

Потом закрыл блокнот, поднялся, вышел и запёр дверь.

В навигационном отсеке было теплее. Он лёг на ладонь тактильной карты просто так, по привычке, пока разогревал воду для следующего брикета. Автопилот сообщил об отклонении курса, тихий импульс через интерфейс, почти неощутимый. Михаил убрал руку, нашёл нужный индикатор и прочитал значение.

Ноль целых ноль ноль три градуса, малое число, и незначительное само по себе. Но это была третья коррекция с момента старта и каждый раз автопилот делал её самостоятельно, без его участия, точнее, чем он вводил данные вручную.

Михаил смотрел на цифру. За иллюминатором ничего не менялось. Темнота, несколько неподвижных звёзд, отсутствие горизонта. Он открыл журнал на новой странице и написал медленно, каждое слово отдельно:

«Корабль знает, куда идёт».

Потом добавил ниже, после паузы:

«Вопрос в том, кто ему сказал?».

* * *

День двадцать третий.

Он обнаружил это не сразу, так бывает, когда ничего не происходит постепенно, а ты просто в какой-то момент замечаешь, что уже давно смотришь в серую переборку напротив и не думаешь ничего. Не тревога, не страх, не усталость. Просто тишина внутри, где раньше хотя бы что-то шевелилось.

Михаил опустил взгляд на руки. Правая лежала на колене, левая на переборке рядом, пальцы чуть согнуты. Он не помнил, когда принял эту позу. По ощущениям тела, давно, и он знал это состояние. После длинных операций, трое суток в засаде, неделя в рейде по оккупированному Дальнему Востоку, когда тело продолжает делать всё правильно: есть, двигаться, докладывать, а внутри будто перегорел предохранитель. Не сломано ничего, просто нет предохранителя.

Тогда помогала работа. Ольга говорила: руки должны быть заняты раньше, чем голова успевает понять, что ей плохо.

Он встал. Жилой отсек был небольшим, три шага в длину, и два в ширину, если не считать спальную нишу, которая задумывалась, судя по всему, для существа пошире его в плечах. В невесомости расстояния ощущались иначе: ты не стоял на полу, ты держался за него, и каждое движение требовало маленького расчёта. Он давно перестал это замечать. Тело адаптировалось быстрее, чем он ожидал.

Из-под спального мешка он достал блокнот, не дневник. Просто рабочий блокнот, клетчатый, советского вида, с истёртыми уголками, с полустёршейся надписью карандашом на обложке, которую он не мог разобрать уже несколько недель. Она взяла его с базы ещё в сорок восьмом, после Псковской операции, и пользовалась им последние сорок с чем-то лет: пометки по варанской тактике, схемы укреплений, цифры потерь, замечания о том, как Богомолы меняют строй при фланговом давлении.

Михаил открыл наугад. Её почерк, мелкий, без нажима, с лёгким наклоном вправо. Буквы не соединялись между собой: каждая стояла отдельно, как будто ей требовалось пространство. Он знал этот почерк с детства. Раньше, когда она оставляла на столе записки «ешь», «ложись», «проверь замки» он читал их по нескольку раз, хотя слова были просты. Не потому что не понимал. Просто потому что хотел ещё раз.

На странице была схема. Три прямоугольника, стрелки, цифры в кружочках. «Правый фланг держится до сигнала, не раньше» подчеркнуто дважды. Ниже, другим карандашом, небольшая приписка: «Сергей неправ не в тактике, в голове. Переубеждать бесполезно. Ставить в ситуацию, где другого выхода нет».

Он почти улыбнулся, узнал, потом перелистнул, ещё страница, ещё. Он не читал, просто смотрел. Линии её руки, плотность строчек, места, где она жала сильнее и карандаш давал более тёмную черту. Он не искал информацию. Он просто держал в руках то, к чему она прикасалась. Это не помогало, или помогало не так, как он мог бы объяснить.

Она не учила его горевать. Он понял это не сейчас, понял давно, будучи ещё подростком, и Ольга не изменилась внешне ни в чём. Он тогда злился на неё за это. Потом перестал. Потом понял, что это не жёсткость и не отсутствие чувств. Это было другое: она умела переводить боль в действие раньше, чем боль успевала стать неподъёмной. Не потому что так правильно. Просто потому что иначе не выжить. И она не передавала это словами. Она делала, и он смотрел, и в какой-то момент оказалось, что он тоже умеет.

Он закрыл блокнот и лёг обратно в нишу, упёрся взглядом в потолок отсека. Корабль чуть вибрировал, не двигатель, просто термальное расширение корпуса: снаружи было около минус

ста семидесяти, внутри около восемнадцати, и эта разница работала со структурой постоянно. Он давно научился отличать этот звук от любого другого.

Пять минут он просто лежал. Потом взял журнал и написал расписание.

Аккуратно, без исправлений как пишут приказы:

«Работа с таблицей 8 часов. Физическая нагрузка 4 часа. Сон 5 часов. Приём пищи в промежутках, не пропускать. Выполнять ежедневно до прибытия».

Под «физической нагрузкой» уточнил: коридор, отжимания от переборки, тяга на поручнях, растяжка. В невесомости мышцы деградировали быстрее, чем на Земле, он знал это по первой неделе, когда просто работал и двигался только по необходимости, и к концу её обнаружил, что пальцы хуже держат усилие. Больше он не позволял себе этого.

Расписание он перечитал один раз. Потом ещё раз. Убедился, что числа складываются в семнадцать, не двадцать четыре, потому что оставшиеся семь он оставлял на непредвиденное и переходы между задачами. Это тоже была работа: не думать о том, что семь часов это пустота, а думать о том, что это буфер.

Он закрыл журнал. И тут без причины, без повода, просто так, что-то в нём сдвинулось и он обнаружил, что криво улыбается. Не от радости, не облегчению. Просто что-то тёплое и бессмысленное, как когда находишь в кармане монету, о которой забыл. Он пролежал ещё секунду.

Потом поднялся, перебрался в навигационный отсек, лёг ладонью на тактильную карту и начал искать на ощупь нужный сектор, тот самый, где таблица ещё не сходилась и где он остановился три часа назад или двадцать три дня назад, он уже не считал.

Работа ждала.

* * *

День тридцать восьмой.

Михаил сидел у навигационного интерфейса, и пальцы его двигались по тактильной карте привычно, почти без участия мысли, восемьдесят девятый символ лёг в таблицу точно, закрыв последнюю строку, которую он обозначил как «навигационные маяки, вторичный диапазон». Он ещё раз прошёлся по столбцу. Сходилось.

Оставалось двадцать три символа.

Он выписал их отдельно столбиком, в левой половине журнала, и долго смотрел. Не встречались в навигационных данных флешки ни разу. Не встречались в бортовом журнале корабля, который он к тому времени разобрал на три четверти. Возможно, военная кодировка. Возможно, диалект, который на Земле вообще не был известен. Или что-то личное, пометки конкретного оператора, локальная система сокращений, умершая вместе с ним.

Он подумал об этом секунду. Потом написал напротив всех двадцати трёх: «вне задачи» и провёл под столбцом черту.

Решение далось легко не потому что вопрос не важен, а потому что он уже понял: совершенство здесь недостижимо. Восемьдесят девять из ста двенадцати это таблица, с которой можно работать. Остальное позже, если вообще нужно.

Он приложил таблицу к координатам флешки. Работа заняла около двух часов. Он делал это методично, сначала прогнал полный массив вручную, потом ещё раз с контрольными метками через каждые двадцать символов. На третьем прогоне остановился и перечитал результат.

Область сократилась, не до точки. До сектора, примерно четыре целых две десятых астрономической единицы в поперечнике, если он правильно перевёл варанские угловые единицы в привычную систему. Он не был уверен в точности перевода, ошибка в коэффициенте могла давать расхождение в обе стороны, поэтому записал в журнал с оговоркой: « $\pm 0,3$ а.е., при условии корректного перевода угловых единиц».

Всё равно это был другой разговор. Не бесконечность пояса Койпера, а конкретная область. Что-то, в чём можно искать.

Он перевёл взгляд на навигационную карту и нашёл курс автопилота. Центр сектора, точно.

Он медленно провёл пальцем по отметке. Автопилот держал этот курс с первой секунды, как он его активировал, с момента, когда он ввёл координаты флешки приблизительно, ещё не понимая системы обозначений. Автопилот скорректировал курс сам, и теперь стало ясно: он шёл именно сюда. В центр этого сектора. Михаил тогда решил, что автопилот просто компенсирует погрешность ввода. Теперь это объяснение не работало.

Он открыл журнал и написал коротко:

«Автопилот знал точку. Я только подтвердил».

Поставил число и закрыл. Посидел ещё немного, глядя на тактильную карту, потом поднялся.

Третий отсек он не вскрывал с первой недели, не потому что боялся, просто расставил приоритеты. Таблица была важнее. Но сейчас таблица была готова, курс подтверждён, и до расчётного прибытия оставалось ещё около двенадцати суток. Он взял инструмент, прошёл по коридору и остановился перед механическим замком.

Замок был такой же, как на первом запёртом отсеке, грубый, аварийный, и не электронный. Он открылся с той же последовательностью давлений, только медленнее: либо деформация от времени, либо что-то давило на дверь изнутри. Михаил отступил на шаг, давая ей открыться.

Отсек был пуст. Он стоял в дверном проёме и смотрел. Стены, та же маркировка, что на контейнерах во втором отсеке. Ровные ряды вдавленных знаков, нанесённых без видимого порядка, который он мог бы понять. Пол чист. Потолок чист. Никаких следов крепежа, крюков, гнезд. Ничего что говорило бы о функции отсека.

Запах. Слабый, почти на пороге различимости, органический, чуждый. Не гнилью, не кровью, не чем-то конкретным из человеческого опыта. Просто запах живого, которого здесь давно нет.

Михаил вошёл и коснулся стены. Маркировка была нанесена глубоко, явно инструментом, а не от руки, ровный нажим, одинаковая глубина. Он прочитал несколько символов из своей таблицы. Остальное из тех двадцати трёх, которые он отложил как «вне задачи».

Он обошёл отсек по периметру, потом остановился посередине. Ничего больше. Он простоял там, наверное, минут пять. Не пытаясь понять, просто стоял привыкая к тому, что загадка не обязана давать ответ при первом взгляде. Это тоже была часть работы, не торопить, не натягивать объяснение на то, что его ещё не имеет.

Потом развернулся и ушёл, ужин он приготовил без мыслей о третьем отсеке. Съел. Вымыл контейнер. Записал в журнал расход припасов за день, сухо, в столбик. Сделал растяжку, двадцать минут, как по расписанию. Потом лёг.

Сон пришёл быстро, он это заметил, уже проснувшись. Пять часов, без пробуждений. Не было ни Ольги, ни базы, ни войны. Просто темнота, ровная и спокойная, как тепловой фон глубокого космоса.

Он открыл глаза. Корабль вибрировал своим обычным образом. Он уже перестал замечать этот звук. Теперь он был просто частью тишины.

Он поднялся, умылся из экономного пайка воды ладонями, не расплёскивая и пошёл в навигационный отсек.

Работа ждала.

* * *

День сорок первый.

Гравитационная аномалия появилась утром или в то, что он называл утром по корабельному хронометру. Датчики фиксировали её с семи часов сорока минут: слабое, но устойчивое

отклонение в полтора угловых градуса от ожидаемого вектора притяжения. Слишком мало для планеты. Слишком ровно для случайного скопления льда.

Михаил сидел перед навигационным экраном и смотрел на цифры.

Автопилот не среагировал. Он и не должен был, отклонение лежало ниже порога коррекции, который задавался варанской логикой управления. Для неё это был шум. Михаил нашёл это любопытным: не тревожным, не обнадёживающим, именно любопытным, как первый признак, который ещё ничего не означает, но уже что-то говорит о характере задачи.

Он записал параметры в журнал. Вектор, амплитуда, время первой фиксации. Поставил отметку: «Не характерно для известных объектов пояса. Наблюдать».

Потом позавтракал и занялся маркировкой третьего отсека, сравнивал ряды символов со своей таблицей, искал повторяющиеся группы. Работа механическая, руки привычные, голова на другом.

Аномалия оставалась. она не росла. Просто была.

День сорок четвёртый.

Тепловой сенсор на этом участке пояса показывал фоновый излучательный фон ниже трёх Кельвинов над реликтовым, что означало практически ничего. Ни аккреционного тепла, ни термальных выбросов, ни рассеянного отражения. Михаил просматривал логи дважды, потом в третий раз методично, без нетерпения.

Объект не грел пространство вокруг себя, это был не астероид. Астероиды накапливают тепло от солнечного ветра, хоть и слабо на этих расстояниях. Это был не обломок, у обломков всегда есть остаточная термика от столкновения или внутреннего распада.

Снаружи это выглядело как пустое место. Он сидел с этой мыслью достаточно долго, чтобы она устоялась. Не мертво а просто незаметно. Это была разница. Мёртвое не прячется, оно просто есть. Здесь же было что-то иное, намеренное или случайное отсутствие сигнатуры, которую можно обнаружить с расстояния.

Ольга знала, что это здесь, он не стал думать об этом дальше. Записал параметры теплового фона и убрал планшет.

День сорок шестой.

Электромагнитный фон менялся медленно, не скачком, и не аномалией, которую легко пропустить как скачок. Просто давление. Как при подъёме на высоту, когда уши закладывает не сразу, а постепенно, и ты понимаешь, что это произошло, только когда замечаешь, что уже некоторое время ощущаешь именно это.

Автопилот работал без нареканий, экраны навигационного отсека светились штатно. Ничего не предупреждало.

Михаил переключил управление на ручное. Автопилот отключился без сопротивления, просто ушёл как задремавший сменщик, которого тронули за плечо. Он взял штурвал, тактильная панель варанского образца, плоть металла и полимера под ладонями, вдавленная геометрия команд. Его руки уже знали её достаточно хорошо, чтобы не думать о каждом движении.

ЭМ-фон продолжал расти медленно, ровно, как прилив. Он ввёл малую коррекцию курса, убрать дрейф, который накопился за сутки. Корабль ответил точно, без задержки. Это успокоило, не потому что давало уверенность, а потому что говорило: пока подчиняется.

Он не отпускал управление до конца вахты.

День сорок восьмой.

Отметка появилась в семь часов двенадцать минут по бортовому времени. Дальний сенсор, крайний диапазон где разрешение уже начинает врать, где пиксель мог быть артефактом калибровки или реальным объектом с одинаковой вероятностью. Михаил увеличил разрешение. Полоса. Не точка, не компактный объём, горизонтальная неровная полоса, темнее окружающего фона на пороге различимости.

Он увеличил ещё раз. Полоса не исчезла. Стала чуть чётче не потому что добавилась информация, а потому что сенсор перестал её усреднять.

Третье увеличение. Полоса осталась.

Михаил смотрел на неё четыре минуты. Не считал, засёк по хронометру потом, когда уже записывал. Просто смотрел. Пытался понять, что именно он видит, форму, масштаб, дистанцию. Сенсор не давал этого, слишком далеко, слишком слабый сигнал. Он видел только присутствие чего-то, что занимает место, которое не должно быть занято ничем.

Открыл журнал, нашёл строку сегодняшней записи.

Написал одно слово: «Есть».

Потом положил планшет, и достал флешк. Привычный жест, он делал его уже несколько раз за эти недели, не всегда осознанно. Открыл папку с координатами. Список файлов, которые он к этому моменту знал наизусть, таблица соответствий, голосовая запись, которую он больше не открывал, навигационный ключ.

И в самом конце строчка открытым текстом. Не в файле, просто в метаданных последнего документа, как подпись под чертежом.

«Они ждут».

Инициалы: О.В.

Он читал это уже, наверное, раз двенадцать. Каждый раз одно и то же: не послание, не инструкция, а констатация. Ольга не объясняла. Она никогда не объясняла того, что считала очевидным, и того, о чём не имела права говорить раньше, чем он поймёт сам.

Кто ждёт, не написала. Сколько ждёт, не написала.

Он убрал флешку в карман, взялся за тактильную панель управления обеими руками. ЭМ-фон продолжал давить ровно, без пиков. Полоса на сенсоре слабо светилась в дальнем диапазоне.

Ещё около двух суток расчётного хода. Он лёг на курс и повёл корабль вперёд.

* * *

День пятидесятый.

Полоса на сенсоре перестала быть полосой за восемь часов до этого момента. Сначала она приобрела объём, стала тенью, которая занимала место в пространстве, а не просто лежала на матрице приёмника. Потом у неё появились края. Неровные, без резкости, как берег, увиденный в тумане с большой воды, но всё-таки края.

Михаил смотрел на визуальный экран. Визуальный диапазон давал меньше информации, чем сенсоры, просто чуть более медленный способ убедиться в том, что приборы уже зафиксировали. Но он смотрел именно на него. Сенсорам можно не верить, когда они говорят что-то невозможное. Зрению сложнее отказать.

Объект лежал перед ним на фоне рассеянного света пояса. тускло-белёсый фон, пыль и лёд на расстоянии миллионов километров, привычный шум дальнего космоса. На этом фоне объект был тёмным. Не абсолютно тёмным, не чернотой провала, а темнее, чем должно быть что-либо такого размера. Он поглощал отражённый солнечный свет, который сюда почти не доходил, и не возвращал его.

Михаил не сразу понял, что видит именно его.

Первые несколько минут мозг отказывался обрабатывать это как объект. Слишком большое, слишком статичное, слишком равномерное, такие вещи воспринимаются как фон, как часть ландшафта, а не как предмет на его поверхности. Он подумал: помеха. Артефакт. Градиент яркости между двумя областями пыли.

Потом у тени появился силуэт.

Он открыл навигационный журнал. Нашёл дистанцию, зафиксированную сенсором шесть минут назад, угловой диаметр объекта по последнему замеру. Пересчитал вручную не доверяя бортовому вычислителю, просто по формуле, которую помнил с тех занятий, когда

Ольга заставляла его считать всё подряд: навигацию, баллистику, секторные зоны поражения. Получил число.

Сто восемьдесят семь километров в длину, более шестисот в диаметре. Он смотрел на цифры, потом на экран. Потом снова на цифры. Пересчитал ещё раз с поправкой на угол наблюдения, на возможную погрешность дистанционного сенсора. Это не изменило ничего существенного. Цифры оставались цифрами.

Он знал размеры крупнейших искусственных объектов, которые построило человечество за шестьдесят лет войны и несколько лет после неё. Орбитальная производственная база чужих, которую люди захватили в восемьдесят седьмом, двенадцать километров в поперечнике. Это считалось огромным, это останавливало дыхание, когда смотришь из шлюза.

Перед ним было что-то в пятьдесят раз больше... Он не записал в журнал ничего, кроме цифр. Дистанция. Угловой диаметр. Расчётные размеры и всё.

Корабль продолжал сближение на малой тяге, около двух процентов от максимальной, почти дрейф. Михаил держал руку на ручном управлении, но не трогал его. Просто держал.

Поверхность объекта не давала привычных отражений. Он понял это не сразу, только когда попробовал мысленно подобрать слово для материала. Металл отражает иначе, как и лёд. Камень, даже тёмный базальт, ведёт себя предсказуемо, диффузное рассеивание, которое сенсор умеет интерпретировать. Здесь что-то поглощало падающий свет и возвращало часть его с задержкой не как отражение, а как слабое внутреннее свечение, почти неотличимое от фона, но стабильное.

Как будто поверхность дышала, или как будто под ней что-то тлело, давно и без огня. Он не стал записывать эту мысль.

Сенсор зафиксировал первое поле. Не визуально, только как слабый гравитационный градиент, полосу данных в нижней части экрана. Потом второе. Потом третье. Семь концентрических уровней, один за другим, не барьеры, не стены, просто слои изменения кривизны пространства вокруг объекта, как круги на воде от брошенного камня, только замороженные.

Корабль прошёл через первое поле без сопротивления. Второе то же самое.

Михаил следил за показателями маневровых двигателей, за гироскопическим балансом, за курсовым отклонением. Всё оставалось в пределах нормы. Если поля что-то делали с кораблём, он этого не чувствовал, ни технически, ни тем более физически. Только ЭМ-фон, который он отметил ещё двое суток назад, продолжал давить ровным, тихим давлением, как атмосферное давление перед грозой: не больно, не опасно само по себе, но тело знает.

Третье поле. Четвёртое. Он не убирал руку с управления. Объект не реагировал.

Никаких сигналов ни в радиодиапазоне, ни в узкополосном лазере, ни в гравитационных частотах, которые умел принимать трофейный корабль. Никаких маяков. Никакого движения на поверхности, ни огней, люков, ни признаков механической активности. Он смотрел в экран и видел только тёмный силуэт, который медленно рос, занимая всё больший угол обзора.

Объект молчал.

Михаил смотрел на него и думал об Ольге. Не долго, несколько секунд, не больше. Просто факт, который пришёл сам собой, она знала об этом. Не могла не знать, координаты лежали в папке рядом с навигационным ключом, с таблицей соответствий, с припиской в метаданных. Она знала, что здесь что-то есть. Знала, что оно именно такого размера, или не знала, но догадывалась. Знала, что оно ждёт.

И не сказала ни слова. Он убрал эту мысль так же, как убирал всё, что не давало работать. Не вытеснил, просто отложил в сторону. Потом. Если будет потом.

Пятое поле. Шестое.

Объект занимал уже треть визуального экрана. На таком расстоянии масштаб переставал быть абстрактными числами в журнале. Это была стена. Не метафора, просто геометрическая

реальность, объект был настолько больше корабля, что его поверхность заполняла перспективу так, как заполняет её земля при посадке. Только земля не бывает такой тёмной и такой тихой.

Михаил открыл журнал на чистой строке.

Записал: время 18:04 по бортовому времени. Дистанция, четырнадцать тысяч километров до ближайшей точки поверхности. Курс стабильный, без коррекций. Скорость сближения 0,8 км/с.

Больше ничего не написал.

Закрыл журнал и положил планшет на панель рядом.

На экране объект занимал треть обзора и продолжал расти.

Глава 5. Объект в поясе Койпера

На четырнадцать тысячах километров объект выглядел как чернильное пятно на фоне звёзд - тёмное, правильное, слишком правильное для пояса Койпера, где всё либо крутится, либо валится по случайным орбитам. Этот не делал ни того, ни другого. Просто висел.

Михаил убрал тягу до минимума, едва ощутимый толчок маневровых, меньше термического шума двигательного блока. Трофейный корабль Варанов не был рассчитан на человеческую осторожность: его штатный режим сближения предполагал мощный тормозной импульс с трёхсотмегаваттной вспышкой в инфракрасном диапазоне. Михаил этот режим отключил ещё на сорок шестой день и больше к нему не возвращался. Сейчас он шёл на минимальной тяге, почти по инерции, и тепловой след за кормой был таким тонким, что его, наверное, не увидело бы даже специализированное оборудование, если бы здесь было кому смотреть.

Зачем он это делал, он не мог бы объяснить точно. Объект не отвечал ни на какие сигналы, не двигался, не реагировал. Прятаться было не от чего. Но он всё равно шёл тихо, как ходят по незнакомому дому ночью, не из страха, а потому что темнота требует тишины.

Пассивные сенсоры работали на полную мощность. Активные он не включал.

Экран правого борта показывал тепловой профиль объекта, точнее, полное его отсутствие. Температура поверхности читалась ниже фонового излучения пояса Койпера, что было физически невозможно для любого тела с массой в несколько триллионов тонн: гравитационный разогрев, радиоактивный распад изотопов, что угодно, должно было давать хоть что-то. Объект давал меньше, чем пустой вакуум. Либо сенсоры ошибались, а они не ошибались, он проверял их трижды, либо объект активно отводил тепло. Куда и зачем, Михаил не знал.

Он записал показание в журнал. Без комментариев.

Оптика давала другую аномалию, от которой он не мог отвести взгляд уже несколько часов. Поверхность объекта поглощала свет, это было ожидаемо по данным предыдущих суток наблюдений, но часть его возвращала. Не сразу. С задержкой примерно в полторы-две секунды, нестабильной, варьирующейся. Не отражение и не рассеивание. Свет уходил в поверхность, и потом, не сразу и не весь, выходил обратно, слегка изменившийся по спектру. Как будто материал его удерживал, изучал и возвращал с каким-то суждением о нём.

Михаил отметил это в журнале. Написал: «задержка возврата фотонов: нестабильная, 1,4–2,1 с. Спектральный сдвиг в сторону красного края незначительный, 12 нм. Природа неизвестна.»

Потом зачеркнул «природа неизвестна» это было очевидно и так, и оставил только цифры.

Дистанция упала ещё ниже. На таком расстоянии угол объекта в поле зрения перестал быть просто числом на экране и стал геометрической реальностью. Михаил смотрел в иллюминатор прямого обзора, маленький, семьдесят на сорок сантиметров, варанское стекло с зеленоватым оттенком, и видел стену. Не метафору. Край объекта уходил за пределы иллюминатора в обоих направлениях, и это было похоже на то, как выглядит горизонт с низкой высоты: плавная кривизна, которая мозг воспринимает как плоскость, потому что слишком велика.

Сто девяносто километров в длину. Шестьсот с лишним в диаметре.

Он записал уточнённые параметры. Сенсоры давали: 187 км по длинной оси, 612 км по большей поперечной оси, 318 по меньшей, объект был не строго цилиндрическим, а немного уплощённым с одного бока, как будто кто-то надавил на него пальцем, пока ещё не застыло. Цифры не укладывались ни в какую привычную шкалу. Для сравнения Михаил вспомнил, что видел однажды карту Москвы, МКАД в диаметре около пятидесяти километров, внутри которого помещался целый город с миллионами людей. Двенадцать таких городов встык по диаметру. Он написал это в журнале и сразу вычеркнул: сравнение ничему не помогало.

Числа существовали сами по себе. Без масштаба.

Гравитационные поля он считал уже третьи сутки, и сейчас они лежали перед ним в виде семи концентрических аномалий, расходящихся, как рябь от камня в стоячей воде, только застывшая. Каждый следующий слой был плотнее предыдущего примерно на порядок: если первое поле давало градиент в четыре тысячных стандартного g, то седьмое, ближайшее к поверхности, по расчётам тянуло уже на сорок два. Это было непроходимо для любого известного ему двигателя. Либо поля работали иначе для разных объектов, либо - семь это была условная граница, а не заграждение.

Он ещё не знал, как войдёт. Но что-то внутри, спокойное и совершенно нелогичное, знало.

На шести тысячах километров он сбросил скорость до восьмисот метров в секунду и зафиксировал курс.

Объект по-прежнему молчал.

Никакого отклика в радиодиапазонах, он проверял непрерывно. Никакого лазерного пинга. Никакого изменения гравитационных полей. Ни огней на поверхности, ни открывающихся люков, ни механического движения, которое засёк бы оптический трекер. Объект лежал в темноте пояса Койпера так же, как лежал, должно быть тысячи лет, нет, тут скорее цифры считать надо в - Эпохах. и именно это не давало покоя. Не угроза и не агрессия. Не что-то, с чем можно работать.

Молчание.

Он работал с противником двадцать лет. С Варанами, с Богомолами, с Йекубианцами. Каждая раса, при всём различии, делала одно и то же при контакте: что-то. Двигалась. Стреляла. Посылала сигнал. Демонстрировала намерение. Даже мёртвый Варан делал что-то, дёргался, источал запах, менял температуру. Инертность была признаком смерти.

Этот объект не был мёртв. Он знал это так же, как знают, что в комнате кто-то есть, ещё до того как видят человека. Не интуиция, сенсоры давали достаточно данных для вывода: семь активных гравитационных полей, аномальный тепловой профиль, нестандартное взаимодействие с электромагнитным излучением. Всё это требовало источника энергии. Источник работал.

Но объект ждал.

Михаил посмотрел на экран, где курсор журнала мигал после последней записи. Подумал секунду. Написал только одно слово: «ждёт».

Потом закрыл журнал.

На экране объект занимал уже больше половины обзора, и его край терялся в темноте, не потому что темно, а потому что граница между поверхностью объекта и пустотой была почти неразличима: слишком похожи по плотности тьмы.

Он держал курс. Тяга, минимальная. Тепловой след, нулевой.

Дистанция продолжала падать.

* * *

Первое поле он почувствовал за двести километров до расчётной границы.

Не приборы, тело. Слабое, и почти неуловимое давление в грудной клетке, будто кто-то положил ладонь на грудину и не давил а просто держал. Михаил убрал тягу до нуля, позволив инерции нести корабль, и следил за акселерометром. Четыре тысячных стандартного g, именно столько обещал расчёт. Но расчёт не обещал, что это будет ощущаться как живое.

Корабль двигался медленно. Восемьдесят метров в секунду, он сбросил скорость ещё раньше, инстинктивно, как сбрасывают шаг перед тем, чего не понимают. Гравитационный градиент не отталкивал. Он создавал сопротивление и не механическое, а похожее на то, как вода густеет с глубиной: каждый следующий метр требовал чуть больше от двигателей, чуть

больше от корпуса. Корпус реагировал: тихий, почти неслышимый протест металла, долгая нота где-то в переборках не вибрация, а напряжение конструкции, нашедшее голос.

Михаил написал в журнал: первое поле, сопротивление, не барьер. Среда, не стена.

Потом подумал и добавил: ощущается как вязкое.

Второе поле началось там, где давление на грудину сменилось чем-то другим.

Сенсоры заговорили все разом, не сбоем, и не помехами, а именно тем, чего Михаил не ожидал: избытком. Экраны заполнились данными о корабле, его собственном корабле, массе корпуса, составе обшивки, температуре систем, балансе топлива в баках. Как будто поле прощупало объект, вошедший в него, и вернуло всё найденное назад, аккуратно, подробно и без запроса.

Михаил замер над пультом, показания массы корабля изменились. Не ошибка измерения, три независимых датчика дали одно и то же: плюс ноль целых три десятых процента. Объект стал тяжелее. Или поле изменило его, или поле изменило способ, которым датчики его воспринимали. Разница была принципиальной, но у него не было инструментов, чтобы различить одно от другого.

Он не стал двигаться быстрее. Он не стал двигаться медленнее. Просто смотрел на цифры и думал: поле читало его корабль. Не сканировало, а именно читало, с той степенью подробности, которая подразумевает цель.

Второе поле, сканирование. Возвращает данные о вошедшем объекте. Изменение массы на 0,3% вверх. Причина неизвестна.

В третье поле корабль вошёл как нож в воду.

Михаил ждал сопротивления, такого же, как в первом или большего. Ничего. Поле пропустило его с такой лёгкостью, что он инстинктивно потянулся к тормозному вектору, показалось, что корабль провалится насквозь, потеряет ориентацию, уйдёт не туда. Но корабль шёл ровно, ни вибрации, ни напряжения в переборках. Акселерометр показывал почти идеальный ноль.

Это было неправильно. Первые два поля имели смысл, сопротивление и сканирование. Логика любого заградительного периметра: остановить или изучить. Третье поле должно было быть плотнее. Оно было плотнее, он видел это по расчётам ещё снаружи, на порядок выше второго. Но что-то изменилось. Поле изменило режим не под давлением, не в ответ на попытку форсировать, а как будто приняло решение.

Михаил выровнял скорость и открыл журнал.

Третье поле, режим изменён. Сопротивление отсутствует. Поле не пропустило корабль, поле пропустило меня.

Он смотрел на написанное дольше, чем следовало. Потом закрыл журнал и остановил корабль между третьим и четвёртым полями.

Двадцать минут. Он дал себе двадцать минут не потому что боялся идти дальше, а потому что данных было достаточно для паузы, и он всегда останавливался, когда данных становилось достаточно. Так учила Ольга: Не торопись туда, откуда нельзя отступить.

Не назад, ему было некуда назад. Но вперёд тоже следовало идти с пониманием, а не просто потому что альтернативы нет.

Он смотрел на показания и слушал тишину корабля.

На четырнадцатой минуте гравитационный рисунок вокруг корпуса изменился. Тихо, без толчка и просто показания четырёх внешних датчиков сдвинулись синхронно, и Михаил понял, что смотрит на что-то новое. Поля перестраивались. Медленно, как открывается что-то, что давно не двигалось, с той осторожностью механизма, который помнит, что нужно работать плавно. Четвёртое поле, пятое, шестое, все три отступили на несколько километров от его позиции, образовав что-то, что датчики регистрировали как направленную аномалию. Коридор. Не точный, не геометрически чистый, но вектор был очевиден.

Михаил смотрел на экран.

Объект молчал по-прежнему. Никакого сигнала, никакого маяка, никакого голоса. Только этот тихий жест, поля расступились, и в этом было больше информации, чем во всех данных за последние полтора месяца. Потому что это означало: там что-то есть. Оно видело его, и решило показать дорогу.

Михаил не думал о том, безопасно ли это.

Вопрос безопасности подразумевал наличие выбора, вернуться на лунную базу, доложить командованию, запросить поддержку. Он угнал трофейный корабль. Его мать умерла. Там, куда он мог вернуться, его ждал трибунал или пустая комната несмотря на все заслуги, и то что он был сыном и личным учеником Ольги. Ни то, ни другое не было реальным вариантом.

А здесь было место, которое его видело. Которое перестроило поля, чтобы он мог пройти.

Он взял управление на себя, довёл тягу до двадцати метров в секунду и лёг на курс коридора.

Объект ждал.

* * *

Четвёртое поле он почувствовал раньше, чем показали датчики.

Не давление и не сопротивление, скорее изменение качества тишины вокруг корпуса. Будто воздух в комнате становится другим, когда кто-то входит. Михаил удержал скорость на двадцати метрах в секунду и смотрел на показания: гравитационный градиент перед носом корабля сглаживался, коридор держался ровно, без колебаний. Поле расступалось с той же мерной неторопливостью, что и три предыдущих.

Он записал в журнал: Четвёртое поле. Без сопротивления. Коридор сохраняется.

Потом остановился с пером над строкой и добавил: Меня ведут.

Это было неточное слово. Технически точнее было бы «направляют» или «сопровождают». Но «ведут» отражало то, что он видел, не пассивное отступление поля под напором, а что-то активное, сознательное. Поля не просто пропускали его корабль. Они выстраивали маршрут. И маршрут этот существовал раньше, чем Михаил лёг на него.

Пятое поле прошло ещё проще, он почти не заметил перехода. Один момент датчики фиксировали внешнее давление на корпус, следующий, его не было. Коридор немного сузился, и Михаил скорректировал курс на полтора градуса влево, следуя за гравитационной линией. Поверхность объекта теперь была в семи километрах по правому борту, матово-чёрная, поглощающая свет и возвращающая что-то чуть позже, со сдвигом, который нельзя было описать как отражение. Скорее как эхо. Как будто свет уходил внутрь и оттуда возвращалась его тень.

Михаил не смотрел на неё дольше, чем нужно было для ориентировки.

Шестое поле началось на тридцать секунд позже, чем он ожидал по ритму предыдущих переходов. Михаил успел зафиксировать задержку в журнале и в этот момент гироскоп дёрнулся.

Не погрешность. Не дрейф, который накапливается за часы и требует сброса. Острый, чистый сдвиг на 0,7 градуса, который инерциальная навигация не подтвердила. Михаил посмотрел на оба показания: гироскоп утверждал одно положение корпуса, навигационный блок другое. Расхождение в 0,7 градуса. Потом исчезло, через четыре секунды оба прибора сошлись, как будто никакого сдвига не было.

Михаил прокрутил запись назад и прослушал четыре секунды ещё раз.

Был.

Он открыл чистую страницу и написал: Шестое поле касается четвёртого изм... Остановился. Смотрел на строку. Зачеркнул.

Слово было слишком большим для того, что он видел. Слишком громким. Он видел четыре секунды расхождения между двумя приборами, и больше ничего. Всё остальное было интерпретацией, а не наблюдением. Ольга говорила: сначала запиши что видел, потом что

думаешь. Не путай строки. Он написал заново: Гироскоп и ИНС разошлись на $0,7^\circ$ на 4 секунды. Причина не установлена. Коридор сохраняется.

Тревога была, он не стал её игнорировать. Просто отложил. У неё не было достаточного основания, чтобы изменить курс.

Седьмое поле появилось в двух километрах от поверхности, и Михаил понял, что оно другое, ещё до того как корабль его коснулся.

Датчики не показывали ничего аномального, тот же гравитационный рисунок, та же структура. Но когда нос корабля достиг границы поля, движение просто прекратилось. Не толчок, не отдача, не тревожный сигнал от обшивки. Просто скорость стала нулевой. Двигатель продолжал работать, тяга присутствовала, двадцать метров в секунду вперёд и не происходило ничего. Корабль стоял.

Михаил выровнял тягу, ждал десять секунд. Подал назад. Корабль отошёл, поле отпустило без задержки. Он добавил мощности и снова коснулся границы: то же самое. Стена без поверхности, без температуры, без физического ощущения контакта. Просто предел.

Он попробовал другой угол, двадцать градусов правее коридора. Поле не двигалось. Левее. Снова стена.

Выше. Ниже. Десять разных векторов за сорок минут, и каждый раз корабль замирал у одной и той же невидимой границы в точно одном и том же расстоянии от поверхности. Михаил не злился. Он записывал — каждый вектор, каждый результат, время и тягу. Злость потребовала бы энергии, которую лучше было тратить на наблюдение. Седьмое поле не вело его. Седьмое поле ждало чего-то другого.

Он остановил двигатель и сидел в тишине.

На поверхности объекта в двухстах метрах от носа корабля появился шлюз.

Не открылся, это было не то слово. Не было механики, не было звука, не было движения частей. Просто в тот момент, когда Михаил смотрел на сплошную матово-чёрную поверхность, там был один участок, а в следующий момент там был шлюз. Прямоугольный проём, немного выше и шире, чем корабль, с таким запасом, что можно было войти, не думая о миллиметрах. Края ровные. Внутри темнота, плотная и непрозрачная, не пропускающая ничего.

Седьмое поле разошлось само, тихо, без его усилий.

Михаил смотрел на проём.

Он понял, что именно произошло: объект ждал, пока он остановится. Пока прекратит давить. Все сорок минут попыток не были бессмысленными, они были условием. Нужно было исчерпать варианты и остановиться. И тогда шлюз появился.

Ольга говорила: есть двери, которые не толкают. Их ждут.

Он не вспоминал её специально. Оно просто приходило.

Михаил открыл журнал и написал одно слово: Приглашение.

Смотрел на него несколько секунд. Потом добавил знак вопроса.

Поставил журнал на колено и не закрывал, пусть лежит открытым. Он взял управление, довёл тягу до минимума и медленно, без спешки, повёл корабль к тёмному прямоугольному проёму в боку объекта, который не имел размера, пока не оказался рядом с ним, и который теперь был единственным местом, куда было куда идти.

* * *

Корабль вошёл в шлюз, и темнота сомкнулась вокруг него.

Не сразу, сначала был порог три секунды, когда снаружи ещё оставался тусклый свет пояса Койпера, а впереди уже не было ничего. Потом порог остался позади, и Михаил переключил внешние камеры на максимальное усиление. Картинка подёрнулась помехой усилителя и устоялась.

Темнота оказалась не абсолютной.

Стены или то, что он принял за стены, слабо светились, нет, это было неправильное слово. Поверхности удерживали свет, которого здесь не было, и возвращали его очень медленно, как будто вспоминали. На экране это выглядело как неравномерное мерцание в диапазоне, где сенсоры работали на пределе: фиолетовое с тёмным синим, иногда почти серое, без ритма, без понятной ему логики. Просто флуоресценция чего-то очень старого, слабеющая или продолжающаяся, он не мог сказать.

Михаил двигался медленно. Двадцать метров в минуту, по ощущению как пешком, хотя пешком по этому расстоянию он бы не дошёл. Он записывал показания, температура внутри шлюза на два градуса выше, чем снаружи. Внешние поверхности объекта не давали теплового следа, внутри что-то было иначе.

Потом шлюз закрылся.

Не было ни звука, ни ощущения движения частей. Михаил смотрел на кормовую камеру: в какой-то момент там был открытый проём с далёким рассеянным светом, а в следующий, уже сплошная поверхность. Всё беззвучно, и с точностью механизма, которому неизвестно что такое спешка.

Он не дёрнулся, просто отметил это про себя и занёс в журнал. Внешние датчики начали докладывать об атмосфере. Азот, кислород, следы аргона. Давление, ноль целых девяносто четыре десятых атмосферы. Влажность низкая. Температура плюс одиннадцать.

Михаил сидел и смотрел на цифры, пригодная для дыхания. Это была пригодная для дыхания атмосфера.

Он не знал, сколько времени провёл так. Может быть, минуту, возможно больше. Цифры не менялись, сенсоры продолжали работать штатно, корабль стоял неподвижно на полу шлюза, он почувствовал лёгкий толчок, когда корпус коснулся поверхности, гравитация здесь была слабой, около трети земной, и он просто сидел и смотрел на показания давления и состава воздуха, которые не имели права здесь быть.

Потом встал, взял скафандр и начал одеваться. Внешний люк открылся, и запах ударил сразу, прежде чем он успел что - либо увидеть.

Запах, острый, почти металлический как после грозового разряда в замкнутом пространстве. И под ним что-то органическое: не гниль, не распад, а скорее земля после первого дождя, тот запах, который держится в воздухе не больше часа и который невозможно ни с чем спутать. Михаил стоял на пороге люка и дышал через фильтры скафандра, которые пропускали состав, но не текстуру, и всё равно чувствовал. Под озоном и землёй было ещё что-то. Что-то, для чего у него не было слова на ни одном из трёх языков, которые он знал. Не запах, а скорее присутствие запаха, который когда-то был, и от которого осталась только форма.

Он спустился на пол шлюза. Поверхность под ногами была твёрдой и давала лёгкое сцепление, не как металл, и не как камень. Что-то среднее, чуть теплее, чем должно быть при плюс одиннадцати. Михаил сделал несколько шагов от трапа и остановился.

Шлюзовая камера была огромной. Он знал это по цифрам ещё снаружи, сканеры давали примерные размеры, но цифры не передавали то, что передавало тело. Четыреста метров в длину. Триста в ширину. Корабль стоял в этом пространстве как модель на столе, нелепо маленький, случайный, чужой этому месту так же, как и он сам. Флуоресценция стен давала свет, достаточный для передвижения, но не для деталей: поверхности слабо мерцали в своём беззвучном ритме, и в этом свете всё казалось немного нереальным, слишком мягким для места, которое должно было быть твёрдым.

Михаил поднял взгляд к потолку и не нашёл его сразу. Потолок был где-то там, вверху, за пределом, куда добирался рассеянный свет.

Потом он посмотрел на стены и понял, что не может найти швов. Не то чтобы их тщательно скрыли, просто их не было. Поверхности перетекали одна в другую без стыков, без рёбер, без следов соединения. Углы, там, где стены должны были встречаться под прямым

углом, оказались не углами. Они были кривыми, но не случайно кривыми, скорее следовали логике, которую он чувствовал как присутствие закономерности, не умея её назвать. Как будто пространство здесь организовано по правилам, выведенным не из прямой линии и прямого угла, а из чего-то другого, из течения, роста, давления изнутри наружу.

Он записал это в журнал. Написал слово «геометрия» и поставил после него вопросительный знак.

Впереди был проход, он не назвал его коридором. Слово было неправильным, коридор предполагает стены, которые ведут, и конец, который ждёт. Это было не так. Впереди было место, где фосфоресценция стен становилась чуть ярче, не намного, разница была на грани восприятия, и это место тянулось дальше, туда, куда не доставал взгляд. Не вело, оно просто было.

Михаил стоял и смотрел на него. Ольга говорила: не иди туда, куда тебя зовут. Иди туда, куда ты решил.

Он стоял ещё несколько секунд. Потом сделал шаг вперёд, не потому что его звали, а больше некуда было идти, и он сам так решил и пошёл в направлении, которое не было коридором, но было единственным, что здесь существовало.

* * *

Первый зал был пустым. Михаил прошёл несколько десятков метров от прохода, прежде чем это слово окончательно перестало подходить. Пустой, значит, нет мебели, нет оборудования, нет следов недавнего присутствия. Всё это было правдой. Но стены не были пустыми, как и пол не был пустым. И воздух или то, что заменяло здесь воздух, давил на уши тишиной такого качества, какая бывает только там, где тишина намеренна.

Он шёл вдоль стены, держа дистанцию в полтора метра, и смотрел на поверхность.

Сначала он решил, что это орнамент, что-то декоративное, вроде резьбы или насечки. Потом, что это текст, запись, что-то функциональное вроде инструкции. Оба объяснения не удержались. Структура на стене не была ни тем, ни другим, или была чем-то, для чего различие между «декоративным» и «функциональным» попросту не существовало. Они всё повторялась, это он видел. Одна и та же конфигурация линий, дуг, разрывов, уходящая вдоль стены как фраза, написанная в строчку. Но каждое следующее повторение отличалось от предыдущего на малую, едва различимую величину, как будто значения росли, или старели, или дышали в очень медленном ритме, недоступном наблюдению. Как живая ткань под увеличением: издали однородная, вблизи же бесконечно сложная, и в этой сложности не хаос, а что-то упрямо закономерное.

Он записал это в журнал. Написал: «не орнамент, не текст». Подумал. Добавил: «промежуточное состояние».

Потом остановился и поднял правую руку. Перчатка скафандра была толстой, трёхслойный композит, тепловая изоляция, тактильная чувствительность сведена к минимуму. Он это знал и всё равно протянул руку к стене и коснулся её.

Поверхность не была холодной, и не была тёплой. Она вообще не давала никакого теплового сигнала, который перчатка могла бы зафиксировать, как будто температура тут была понятием не из той системы координат, где существовали его датчики. Но в точке контакта что-то изменилось.

Люминесценция. Там, где его перчатка касалась поверхности, свечение стены стало чуть ярче. Не намного, разница была меньше, чем если бы он поднёс руку ближе к обычной лампе. Но разница была, и она была точной, и она повторяла форму его прикосновения с аккуратностью, которая не оставляла места случайности.

Он убрал руку, свечение держалось три секунды. Он считал. Потом погасло, не резко а как гаснет след на сетчатке, постепенно, пока его там не осталось вовсе.

Михаил стоял и смотрел на то место, где только что был его след. Потом поднял взгляд к потолку.

Не нашёл его. Усиление камер на шлеме давало двести метров в нормальных условиях при достаточном освещении. Он переключил в режим максимального усиления и смотрел вверх, и стены по-прежнему уходили вверх, и флуоресценция по-прежнему их освещала, и конца не было. Он прикинул расстояние так, как его учили прикидывать расстояния в зданиях, по соотношению освещённости и рассеивания. Получилось «не меньше километра». Он записал это в журнал и сразу дописал вторую строчку: «занижено».

Акустика тоже не давала ответа. Звук его шагов гас быстрее, чем должен был гаснуть даже в очень высоком помещении. Как будто пространство над ним не отражало, а поглощало спокойно и без усилий, как вода поглощает камень.

Он пошёл к противоположной стене. Её было видно, в отличие от потолка, хотя расстояние до неё оказалось значительно больше, чем казалось с порога. Он шёл, и зал не кончался, и корабль за спиной становился меньше, и единственным звуком оставались его собственные шаги и ровный шелест системы жизнеобеспечения.

На противоположной стене было что-то другое. Он увидел это ещё метров за сто и замедлил шаг, не потому что испугался, а потому что хотел посмотреть на это правильно, с расстояния, прежде чем подойти вплотную.

Структура занимала большую часть стены, от уровня его плеч и выше, насколько хватало взгляд. Концентрические кольца, разного диаметра, расположенные без видимой симметрии, но с очевидной логикой, каждое следующее кольцо стояло в том месте, где его присутствие чувствовалось как необходимое. Между кольцами, точки разного размера и яркости, часть из них соединена линиями, часть из них, нет. Линии пересекались под углами, которые он не мог назвать стандартными. Одни шли прямо, другие кривились, и в кривизне их тоже чувствовалась та же упрямая закономерность, что и в паттерне на боковых стенах.

Это могло быть картой. Он думал об этом несколько секунд, без спешки, методично. Масштаб не читался. Он не мог определить, изображает ли это комнаты внутри объекта, или систему в поясе Койпера, или что-то несравнимо большее. Но логика была, концентрические структуры, точки, связи между ними, он видел раньше. В данных с захваченных терминалов Варанов, там, где аналитики пометили фрагменты как «зашифрованное» и отложили в сторону до лучших времён. Он сам смотрел на эти фрагменты несколько раз. Там это было спрятано за слоями, за структурами доступа, за кодами, которые никто ещё не взломал.

Здесь это было просто нарисовано на стене. Открыто, как будто скрывать не от кого. Или как будто скрывать не имело смысла, потому что тот кто сюда придёт, либо поймёт, либо же нет, и никакой шифр этого не изменит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.